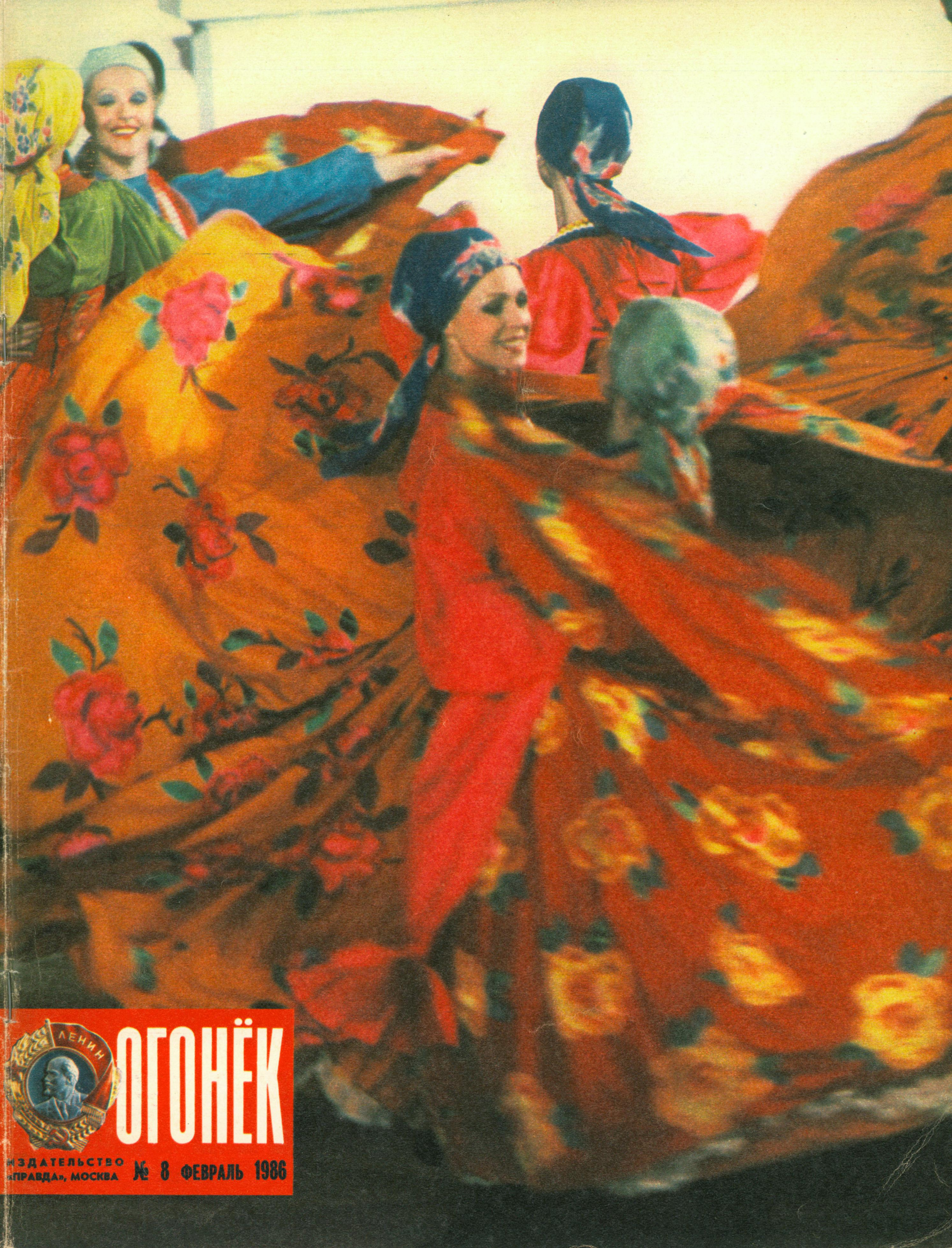

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1986

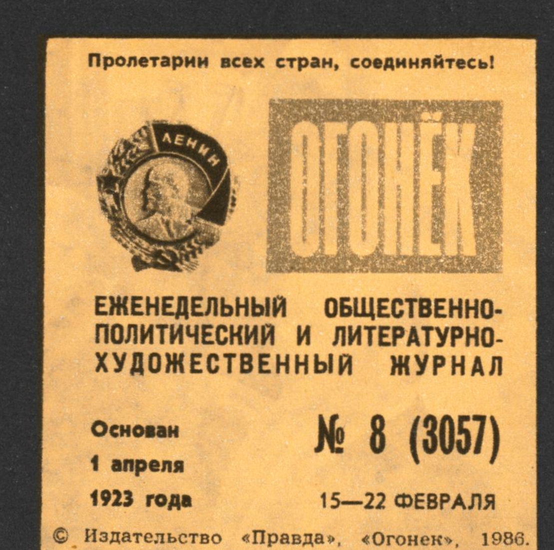

В РИТМЕ

Каковы итоги соревнования?

ВАЗа

См. стр. 10.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 8 (3057)

15—22 ФЕВРАЛЯ

В НОМЕРЕ:

Во время беседы. Фото ТАСС

БЕСЕДА М. С. ГОРБАЧЕВА С АМЕРИКАНСКИМ СЕНАТОРОМ Э. КЕННЕДИ

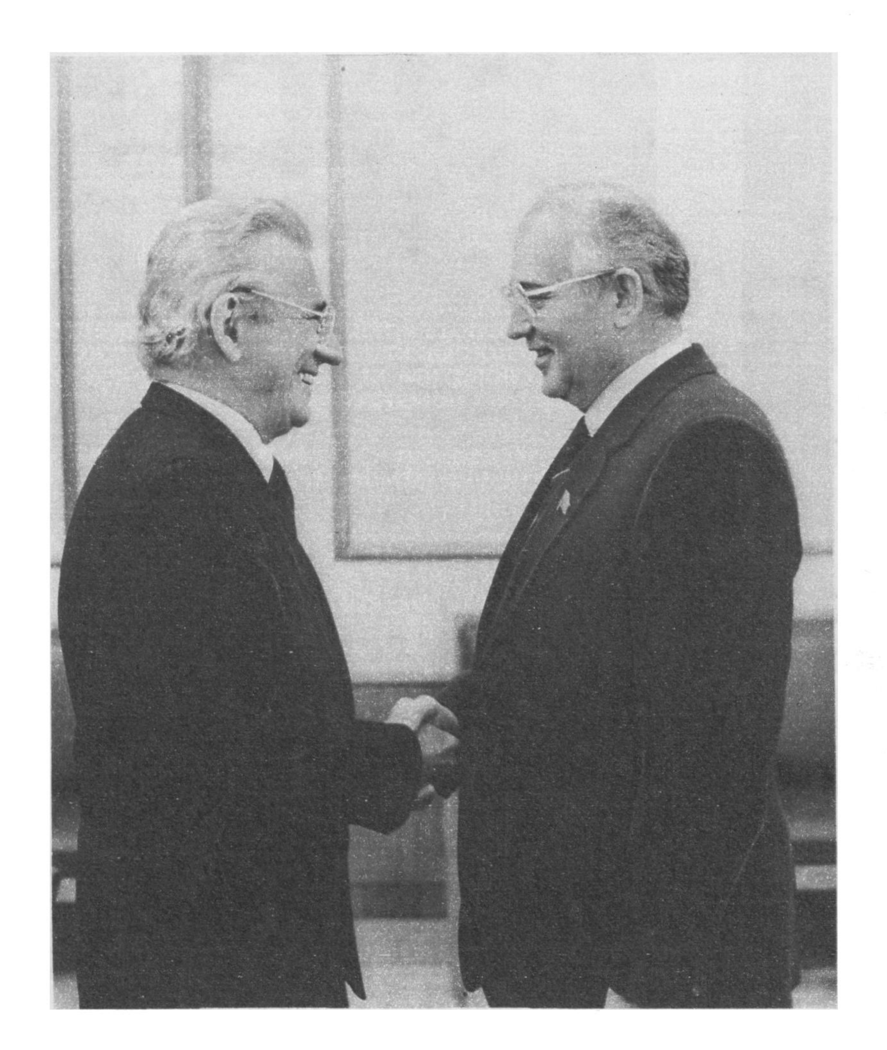
6 февраля Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле американского сенатора Э. Кеннеди, прибывшего в СССР по приглашению Верховного Совета СССР.

После советско-американской встречи на высшем уровне в Женеве, отметил М. С. Горбачев, созданы предпосылки для выправления отношений между нашими двумя странами, и многие руководящие политические деятели США высказываются в пользу их реализации. Но сегодня уже мало одной словесной дани пониманию опасности сложившейся ситуации.

М. С. Горбачев подчеркнул, что новая советско-американская встреча на высшем уровне должна дать практические результаты, ознаменоваться серьезными сдвигами на важнейших для дела мира направлениях — в ином случае она лишилась бы смысла. Советский Союз делает все, чтобы это было так.

Сенатор Э. Кеннеди высказал ряд соображений, которые, по его мнению, могут способствовать продвижению по пути сокращения вооружений. Состоялся обмен мнениями также по другим вопросам, связанным с необходимостью лучшего взаимопонимания, обусловленного признанием принципа невмешательства во внутренние дела друг друга.

ОТВЕТЫ М. С. ГОРБАЧЕВА НА ВОПРОСЫ ГАЗЕТЫ «ЮМАНИТЕ»

Центральный орган Французской коммунистической партии газета «Юманите» обратилась к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву с просьбой ответить на ряд вопросов.

4 февраля с. г. М. С. Горбачев принял члена Политбюро ФКП политического директора «Юманите» Р. Леруа, члена ЦК ФКП, постоянного корреспондента «Юманите» в Москве Ж. Стрейфа и заведующего международной редакцией газеты Ж. Фора.

При передаче французским товарищам текста ответов между М. С. Горбачевым и Р. Леруа состоялась беседа, прошедшая в сердечной, товарищеской атмосфере.

В своих ответах М. С. Горбачев, в частности, сказал:

«Мы понимаем, что претворение нашей концепции безопасности в жизнь требует огромных усилий, труда, упорной борьбы, ломки тысячелетних традиций, о чем я уже говорил. Но мир просто не может продолжать жить и действовать по-старому, когда угроза ядерной войны реальна».

Ответы М. С. Горбачева на вопросы «Юманите» продолжают оставаться в центре внимания мировой общественности.

Перед началом беседы.

Фото ТАСС

НА СУББОТНИКЕ—С ВЫСШЕЙ ОТДАЧЕЙ

«Красная суббота» — всегда праздник. Чему бы она ни посвящалась, будь то ленинский Коммунистический субботник в апреле, комсомольско-молодежный — в честь Всемирного фестиваля или один день безвозмездного труда в Фонд мира.

«Красная суббота» — 15 февраля — особая. Она проходит в преддверии XXVII съезда КПСС. На фабриках, заводах, стройках, в колхозах и совхозах страны взяты высокие обязательства: отработать этот день на сэкономленном сырье и материалах, топливе и электроэнергии, с наивысшей производительностью и отличным качеством.

Слова не расходятся с делом. Где бы ни проходил коммунистический субботник, каждый отмечен ударным трудом. Сменные нормы перекрываются, продукция идет с первого предъявления. Из сбереженной пряжи сотканы многие километры тканей, с конвейера швейников сошли сверх задания платья, костюмы. Шахтеры выдают на-гора дополнительные тонны угля, а энергетики выработали миллионы киловатт-часов электроэнергии на сэкономленном топливе. Автомобилисты и железнодорожники перевезли в счет субботника тысячи тонн народнохозяйственных грузов, портовики и авиаторы выполняют рейсы на сбереженном горючем...

Горняки шахты имени Кузембаева объединения «Карагандауголь» решили в день субботника выдать на-гора более шести с половиной тысяч тонн угля, пройти 43 погонных метра горных выработок, что намного больше планового задания.

На снимке: секретарь парткома шахты Т. Тлеузханов (в центре) с передовыми горняками Н. Лясниковым, Г. Шперлингом, А. Азякиным, Д. Гетцелем и В. Кришталь обсуждают план работы в день субботника.

Телефото В. Петухова (ТАСС)

ГАИТИ

Утром 27 ноября в Гонаиве, расположенном в 150 километрах к северу от столицы Гаити Порт-о-Пренса, произошла демонстрация студентов, к которой вскоре присоединилась толпа из кварталов, населенных беднотой. Появились транспаранты: «Да здравствует демократия!», «Долой диктатуру!».

Так это началось. Так и продолжалось в последующие два с лишним месяца. Ни дубинки, ни пули печально известных «тонтон-макутов» и «леопардов» (так на Гаити называются специальные воинские подразделения) не смогли остановить вал народного гнева.

Что привело к этому? Двадцать девять лет эксплуатации, террора и беззакония, творимого семейством «пожизненных президентов» Дювалье, процветавшая на всех уровнях коррупция, огромная экономическая задолженность Гаити иностранным, прежде всего американским, монополиям.

Итог: позорное бегство диктатора. Известие об этом было встречено народом Гаити всеобщим ликованием.

В эти дни в стране происходят грандиозные митинги, участники которых требуют от пришедшего к власти «национального правительственного совета» немедленной ликвидации всех карательных служб диктатуры, восстановления демократии в государстве. Из застенков освобождены все политические заключенные. Восставший народ громит вооруженные банды «тонтон-макутов», одно упоминание о которых еще недавно вызывало страх у гаитянцев. Пытаясь скрыться от справедливого возмездия, сотни приспешников свергнутого «пожизненного президента» бегут из страны.

Во время недавних народных выступлений в Порт-о-Пренсе.

Телефото АП—ТАСС

ОБСУЖДАЕМ ПРЕДСЪЕЗДОВСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

НЕТ семи замко́в, ОДНАКО...

Наша страна занимает первое место в мире по количеству изобретений. В самом начале статьи должен заметить, что информация об изобретениях, открытиях, промышленных образцах и товарных знаках, то есть патентная информация, наиболее достоверна, потому что подвергается государственной и международной экспертизе.

Ежегодно в нашей стране регистрируется изобретений больше, чем в Японии, Англии, Франции и ФРГ, вместе взятых!

Мы можем гордиться тем, что даем почти треть мировой научной продукции и пятую часть всех технических решений.

И вот тут, на этой мажорной ноте, полезно будет остановиться и вспомнить, что продолжением наших достоинств, как говорят, часто выступают наши недостатки. Давайте критически оценим, почему мировая доля наших технических разработок меньше доли научных достижений? Ведь в массе своей новые инженерные решения базируются на достижениях науки. А одна пятая — значительно меньше одной трети. Получается ощутимый отрыв от среднемирового показателя. Если же учесть, что во многих странах из куда более скромных научных достижений выуживают и внедряют вдвое-втрое больше технических новшеств, станет ясно, сколько мы, мягко говоря, недоиспользуем.

Но оставим пока то, чего нет. Возьмем изобретения, которые официально таковыми признаны. Какой процент из них дает активную отдачу? Увы, весьма небольшой. Даже из числа тех, скажем так, особо ценных, которые ограждены патентами за рубежом, не все внедряются у себя.

Но и это далеко не полный перечень потерь. На Украине, например (что характерно и для других регионов), из всех научных исследований и разработок, проведенных в последние годы, только пятнадцать процентов завершаются изготовлением опытных образцов новых изделий или испытанием новых технологических процессов. А мы знаем, что еще не каждый опытный образец становится промышленным.

Немало и других потерь. Возьмем только самые «благополучные» случаи. Новая разработка, вобрав в себя последние достижения научной мысли, защищенная авторскими свидетельствами на изобретения, а в каких-то случаях и зарубежными патентами, пройдя сложный путь внедрения, успешно действует... на одном лишь предприятии! Увы, так бывает чаще всего. По оценкам специалистов, 80 процентов новых разработок пока внедряются только на одном предприятии, менее 20 процентов — на трех-четырех и лишь 0,6 процента — на пяти и более производствах.

Такое положение было бы вполне понятным в капиталистической экономике, где каждая фирма держит под семью замками технические секреты и выгодные новшества технологии. Однако у нас социалистическое хозяйство, и мы-то знаем, что на предприятиях не делают секретов из достижений.

В ответах американскому журналу «Тайм» Михаил Сергеевич Горбачев особо подчеркивал, что наша страна намерена добиться ускорения научно-технического прогресса не за счет «перелива технологии» из США в СССР, а за счет «перелива» наиболее прогрессивных идей, открытий и нововведений из советской науки в советскую индустрию и сельское хозяйство, за счет более умелого использования своего собственного научно-технического потенциала.

Нет никаких объективных препятствий к тому, чтобы общепризнанные в мире достижения советской науки успешно преображались в новейшие инженерные и технологические решения и широким потоком внедрялись в производство. Это можно убедительно показать на примере нашего института научно-технической информации Госплана УССР. В его библиотеке и пятнадцати филиалах, расположенных в крупнейших городах республики, сосредоточено почти сто миллионов экземпляров патентных документов. И это не просто запас, залегший неповоротливым грузом. Вся информация ежедневно пополняется, постоянно совершенствуется ее обработка, тематический подбор, система хранения, поиска и выдачи.

Только в читальные залы нашей научно-технической библиотеки ежедневно приходят сотни специалистов: конструкторов, технологов, изобретателей, новаторов производства, ученых. Консультанты помогают им определить направление поиска, разобраться в национальных и международных классификациях изобретений, наметить круг стран или фирм, которые активно работают над созданием интересующей их в данном случае техники или технологии. Такая работа особенно полезна в период реконструкции и технического перевооружения предприятий, потому что дает возможность тут же внедрять в производство наиболее эффективные изобретения. Нет надобности подробно рассказывать, какие новейшие средства мы применяем для записи и обработки информации, классификации по темам, странам, фирмам, периодам с целью упростить поиск и в минимальный срок получить наиболее исчерпывающие сведения. Скажу лишь, что поиск необходимого документа по патентному фонду СССР составляет две-три минуты.

Многие уже не мыслят инженерной и научной работы без постоянного изучения патентной информации. Скажем, еще до принятия решения на ту или иную разработку изучаются конъюнктура на мировом рынке, тенденции развития в этой области техники. Формируется задание на разработку — надо знать характеристики лучших образцов: металлоемкость, потребление энергии или горючего, производительность, трудоемкость обслуживания и т. п. Только тогда можно четко сформулировать поставленную цель и идти к ней с открытыми глазами. Именно на это указал М. С. Горбачев, выступая на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса: «Будет правильным работу проектировщиков и конструкторов считать добротной лишь тогда, когда предлагаемые ими технические решения воплощают достижения самой передовой научной мысли...»

Сотрудники нашего института давно подметили парадоксальную, казалось бы, закономерность: фондами патентной информации, зарубежными научно-техническими изданиями, каталогами и проспектами ведущих фирм, помощью консультантов, короче, всеми услугами, которые предоставляет наш институт, чаще всего пользуются работники тех предприятий и организаций, где хорошо поставлена собственная патентно-лицензионная служба. Те же, кто ее не имеет или у кого она работает из рук вон плохо, не спешат прибегнуть к нашей помощи.

Солидные подразделения патентно-лицензионной службы имеют институты имени Е. О. Патона, проблем материаловедения, сверхтвердых материалов, кибернетики имени В. М. Глушкова, такие предприятия, как объединение имени И. Лепсе, «Точэлектроприбор», и ряд других. Но именно их представители чаще других успевают изучать новинки наших поступлений. И это дает ощутимые результаты.

Так, около полутора тысяч разработок Института проблем материаловедения признаны изобретениями, добрая сотня из них защищена зарубежными патентами. Являясь ведущим в разработке темы «Порошковая металлургия», коллектив института совместно с ДонНИИчерметом и Броварским заводом порошковой металлургии создал оригинальный процесс получения железных порошков, который запатентован во многих странах. На порошковую технологию, созданную этими коллективами, продано 45 лицензий. Еще бы: каждая тысяча тонн изделий из таких порошков сберегает труд почти двухсот рабочих, высвобождает до восьмидесяти металлорежущих станков, полторы-две тысячи тонн проката черных и цветных металлов, дает общую экономию от одного до двух миллионов рублей.

К сожалению, гораздо больше предприятий и организаций, которые ничем подобным не могут похвастать. За последние 5—7 лет среди внедренных в производство новых, созданных в республике, машин, оборудования, аппаратов, приборов и технологических процессов в лучшем случае лишь в трех из каждых десяти использованы изобретения.

Справедливо считают использование научно-технического потенциала «центром тяжести» наших планов и программ. Почему же этот «центр» долгое время обретался где-то на обочине да и сейчас все еще не выдвинулся на подобающее ему место? Тому, повторяю, у нас нет объективных причин, есть организационные, есть чисто субъективные. Скажем, долгое время средства, централизованно планируемые на новую технику, уходили в основном на рационализацию, то есть на местные улучшения, частичные исправления просчетов или некоторое сокращение отставания. Да и вообще в само понятие «новая техника» каждый вкладывал тот смысл, какой ему было удобно. Те, кому положено контролировать, принимали за новую любую разработку, лишь бы она чем-то отличалась от предыдущей.

Ответом на столь свободное планирование новизны был еще более свободный, можно сказать, выбор целей. Приступая к очередной разработке, многие сопоставляли возможный или планируемый результат с тем, что они уже имели. Это и сейчас бывает во многих случаях. Порочность такого подхода к делу очевидна.

Если же подходить к делу принципиально, то новой может и должна считаться лишь такая разработка, которая выполнена после глубокого изучения лучших образцов — наших и зарубежных, которая превосходит их не только по техническим характеристикам и потребительским качествам, но и по товарному виду, отделке, упаковке... Короче, все новинки должны быть на уровне и выше мировых образцов или наших отечественных, которые ныне представляют мировой уровень. Это единственный ориентир для всех. Такое требование жизненно необходимо, ему давно следуют наши передовые промышленные коллективы и научные организации. Для его выполнения у нас есть все условия и вполне достаточно необходимых средств: научных разработок, технологических возможностей, высокого уровня мастерства миллионов исполнителей.

В последние месяцы принят ряд постановлений, которые повышают материальную заинтересованность производственных коллективов в борьбе за действительную новизну, за освоение высот технического прогресса. Но полагаться только на регламентации не следует. Многие руководители вряд ли уже смогут перенастроиться чисто психологически, для многих привычка стала не то что второй, а первой натурой. Поэтому, не полагаясь только на документы, издаваемые «сверху», на каждом предприятии, в каждой научной или проектно-конструкторской организации следует еще и еще раз сверить свои цели с той единственно верной, которая обозначена самым высоким мировым уровнем. Надо опираться на то, что уже достигнуто совокупными усилиями всех стран, и смело идти дальше. Отечественных средств для этого вполне достаточно.

Одобряя проект Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, предлагаю в разделе IV изложить 9-й абзац в такой редакции:

«Улучшать изобретательскую и патентно-лицензионную работу. Добиться такого положения, чтобы научные и проектно-конструкторские разработки выполнялись на основе проведенных патентных исследований. Развивать государственную систему научно-технической информации, добиваясь ее активного воздействия на ускорение внедрения научно-технических разработок в производство».

Г. ПРОЩАРУК,
директор УкрНИИНТИ,
доктор экономических наук

**Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор
Советского телевидения
в ФРГ
Фото автора**

ПРОТИВ ЯДЕРНОГО БЕЗУМИЯ

У ракетной базы.

Мокрый снег засыпал автостраду, ведущую в Хайльброн. Тысячи машин еле ползли по скользкой дороге. Когда мы добрались наконец до Хайльброна, неожиданно резко потеплело, и снежная метель сменилась проливным дождем. Дождь шел весь остаток ночи и весь следующий день.

Это было одиннадцатого января 1986 года, в годовщину взрыва двигателя американской ядерной ракеты на хайльбронской базе. Казалось сомнительным, что назначенные на этот день митинг протеста в городе и демонстрация у ракетной базы будут проведены: вряд ли в такую погоду кто-нибудь захочет выйти из дома.

Мокрым и холодным субботним утром на центральной площади Хайльброна появились стенды и плакаты с надписями: «Уже погибли три американских солдата. А что ждет нас всех?» Год назад при взрыве «Першинга-2» лишились жизни три американца, пятнадцать человек получили ранения и ожоги.

Особенно бросались в глаза плакаты, призывающие подписать петицию против СОИ, против огромной программы милитаризации космоса. У транспаранта «Американский проект СОИ — это ядерное безумие» люди подписывались под письмом с требованием не ввязываться в «звездные войны» и не участвовать в их подготовке. Мы спросили у нескольких хайльбронцев, почему они не хотят воплощения пресловутого проекта.

— Очень просто,— ответила пожилая женщина,— рядовые граждане Федеративной Республики Германии хорошо понимают, что СОИ — это новый этап гонки ядерных вооружений. Как будто тем, кто это затеял, мало имеющихся атомных бомб, способных уничтожить все живое на земле. Немцы достаточно информированы и достаточно практичны, чтобы знать: СОИ нужна лишь производящим ракетно-ядерное оружие концернам, рассчитывающим на гигантские прибыли...

— Да, мы знаем,— сказал парень, раздававший прохожим листовки,— что многие ученые и специалисты считают СОИ лишь новым толчком к усилению глобальной ядерной угрозы. Этот безумный американский план нам выдают за «оборонительную инициативу» против мифической «русской агрессии». И в то время когда русские предлагают всем присоединиться к отказу от ядерных испытаний, Пентагон только что взорвал на полигоне в штате Невада очередную водородную бомбу.

Митинг проходил под холодным январским дождем. Но не из-за погоды собравшиеся на площади хайльбронцы были настроены мрачно. Они говорили, что их усилия разбиваются о твердолобость тех, от кого зависит размещение ракет на земле ФРГ и решение об участии страны в программе СОИ.

— Это поразительно, — продолжал парень с листовками,— разве у правящей верхушки не одна, а тысяча жизней, разве у них самих нет детей, близких, друзей? На что они рассчитывают в случае ядерной катастрофы? Забиться на несколько лет в «комфортабельные» бункеры, чтобы потом выйти из них в радиоактивную пустыню? А их ответственность за судьбы народов? В моей голове все это не укладывается, но угроза еще реальнее, чем год назад...

Люди говорили и о том, что вопреки энергичным протестам парламентской оппозиции и большинства населения в ФРГ размещаются новые крылатые ракеты, а хайльбронская база расширяется.

...Дождь усилился, смывая с обочин шоссе остатки снега, когда сотни демонстрантов подошли к воротам ракетной базы. Как и прежде, на решетку забора и колючую проволоку навесили антиракетные плакаты. Но на этот раз к самому въезду на базу принесли большой черный с белым крестом гроб. «Это ждет и тех, кто обслуживает атомную смерть, и нас, живущих поблизости от готовых к старту ракет,— говорили хайльбронцы.— Мы будем продолжать борьбу за избавление от ядерного дьявола, угрожающего в равной степени каждому человеку на планете».

Какова же была реакция «свыше» на годовщину хайльбронского события? Местное телевидение не сочло нужным упомянуть о нем, да и официальная пресса его почти не заметила. Видимо, решили, что не стоит лишний раз портить настроение согражданам. Уже немало ученых, инженеров, техников и рабочих публично заявили, что они не будут работать на «звездные войны» — даже под угрозой увольнения. Новое мирное предложение Советского Союза, высказанное Михаилом Сергеевичем Горбачевым 15 января, воспринято населением ФРГ с большой надеждой.

Под небом НИКАРАГУА

Юрий ПОПОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

ЭРНЕСТО ЕДЕТ ДОМОЙ

За окном — темная черная ночь. Сияли крупные звезды и среди них — великолепный зимний Орион. Сзади болтали две белобрысые девчушки. Спросил их, откуда они и куда. Оказалось, из Норвегии. Летят в Никарагуа строить школы. У них каникулы, а в Никарагуа нужны рабочие руки. Так они думали. Впереди сидел длинный молодой человек с длинным носом, писавший что-то в свою пухлую записную книжку. По журналистской привычке спросил и у него, кто он, куда едет и зачем. С присущей англичанам любезностью он ответил, что он статистик, но сейчас едет в Никарагуа, в какой-то город, с которым его город, выражаясь нашим языком, является побратимом — это там, на восточном побережье. Рядом на руках у молодого скуластого смуглого парня лежал и время от времени истошным образом орал бронзовый карапуз, которому не было, вероятно, еще и года. Иногда он замолкал и смотрел на меня несколько мгновений своими глазенками-сливинками. Потом, спохватившись, принимался орать с новой силой. Его звали Эрнесто, а орал он потому, что хотел есть. Его везли домой к бабушке и дедушке друзья его родителей, оставшихся в заснеженной Москве, где они учатся в каком-то институте. Друзья были люди неопытные и не знали, как развести детское питание, которое им сунули впопыхах легкомысленные мама и папа, не предупредив, как это делать. Когда наша стюардесса по всем правилам приготовила ему в бутылочке ужин, Эрнесто радостно зачмокал и замолчал, все еще поглядывая на меня своими сливинками.

Ночь казалась до бесконечности длинной: мы летели на запад. Эрнесто заснул, и его уложили на заднем сиденье. Он впервые летел домой, на свою родину, где еще ни разу не был. Он родился в Москве.

Рассвет догнал нас на Кубе, а еще через два часа мы приземлились в столице Никарагуа, городе Манагуа. Сложившийся на протяжении длительного перелета рыхлый самолетный коллектив распался мгновенно на составные части. Кто-то встретил наших специалистов, прибывших сюда для работы. Молодых норвежцев и норвежек тоже встречали. Обнимались с родственниками никарагуанские студенты, возвращавшиеся из Союза. Маленького Эрнесто торжественно вручили бабушке и дедушке в целости и сохранности, и они, вполне еще не старые, радостно хлопотали вокруг внука. Счастливой тебе жизни в своей стране, малыш, хотя местом, где ты родился, навсегда останется Москва. Что-то ждет его в будущем?

После заснеженной Москвы контраст потрясающий. Люблю тропики и сам проработал в них многие годы, хотя и на другой стороне планеты — в Юго-Восточной Азии. Но все здесь очень похоже внешне: те же пальмы, баньяны, фикусы, кактусы, яркие бугенвиллеи и яркое синее небо над головой. Манагуа — разбросанный город. Даже улицу сфотографировать негде. Город жестоко пострадал во время землетрясения 1972 года, когда погибли тысячи людей. Сейчас поприбавилось пустырей. Следы землетрясения видны до сих пор — некоторые здания стоят полуразрушенными, их нет смысла ремонтировать.

Никарагуа — небольшая страна, хотя и самая крупная в Центральной Америке. С востока ее берега омываются Карибским морем. Там на побережье находятся редкие малочисленные города, население которых состоит из потомков чернокожих рабов, бежавших от жестокой неволи и кровавых английских пиратов, наводивших в свое время ужас на испанские колонии в Карибском море. Население там до сих пор говорит на английском языке, и именно в один из этих городов направлялся тощий длинноносый англичанин.

Дальше к западу простирается сельва — район вечнозеленых лесов и топких болот, где обитают крокодилы, удавы, обезьяны, попугаи, птички колибри и другие представители тропической экзотики. Там же обитают и племена индейцев, коренных жителей Никарагуа. Еще дальше к западу начинаются не очень высокие горы вулканического происхождения и нередко встречаются действующие вулканы. Но наиболее развитые в экономическом отношении районы лежат на самом западе между тихоокеанским побережьем и озерами Манагуа и Никарагуа. Это неширокий вулканический пояс, где в основном проживают «местизо», как их называли испанцы, то есть «помеси», потомки испанцев и индейцев, составляющих сейчас основную часть населения Никарагуа.

Испанцы начали завоевание этих земель еще в 1522 году, когда на Руси правил отец Ивана Грозного Василий III. Тогда испанский конкистадор Гил Гонзалес де Авила разбил индейского кацика (князька) Никарао. Два года спустя другой конкистадор, Фернандес де Кордоба, посланный испанскими властями отобрать эти земли у Гонзалеса де Авила, основал города Леон и Гранада. Фернандесу, впрочем, тоже не повезло. За попытку самому сесть на трон в Никарагуа он лишился своей головы. Времена тогда были суровые. Об индейском кацике напоминает сейчас название страны, а о завоевателе Кордобе — название монеты, на которой, правда, сейчас изображен не он, а герой освободительной борьбы народа Никарагуа Аугусто Сесара Сандино в широкополом сомбреро.

Много всяческих бурь и потрясений пережила с тех времен эта страна. В 1821 году она добилась независимости от Испании, но стала яблоком раздора для колониальных держав. Особенно сильным было соперничество между Англией и США. США предполагали тогда строить здесь канал. С 1912 года до 1933-го они предприняли прямую оккупацию Никарагуа. Таково вкратце прошлое Никарагуа. Все это я узнал из книг, справочников и рассказов самих никарагуанцев. Но вернемся в настоящее.

Слегка отдохнув и оглядевшись, намечаем с заведующим корпунктом АПН в Манагуа Иваном Петушковым маршруты поездок и план различных встреч, который, как и все планы, впоследствии, подвергся серьезной корректировке. Да и времени немного — две недели.

ВСТРЕЧА У ВУЛКАНА МАСАЙЯ

Городок Масайя находится к югу от столицы Никарагуа. Он знаменит своими разнообразными кустарными промыслами. Здесь на базаре можно купить пестрые женские кофточки, расшитые замысловатыми узорами, такие же пестрые мужские рубашки, разноцветные коврики, сумки из тисненой кожи, ремни, вязаные абажуры, деревянные безделушки — всего не перечислишь. Но есть и еще одна достопримечательность у этого городка — неподалеку действующий вулкан с тем же названием. Сейчас вулкан спокоен, но из его жерла вырываются мощные клубы дыма и пара, которые видны издалека. К вулкану среди черных безжизненных застывших потоков лавы пробирается асфальтовая дорога, а у самого кратера сооружена просторная смотровая площадка. Был полдень, солнце палило нещадно. Я пристраивался, как бы получше снять этот самый кратер, когда услышал рядом английскую речь с явно американским выговором. Группа людей стояла у ограды и среди них высокий симпатичный блондин лет сорока. Я поздоровался, блондин сделал два шага ко мне, протянул руку и представился:

— Брюс Бэббит, губернатор штата Аризона.

Я тоже представился: корреспондент журнала «Огонек» из Москвы.

Губернатор удивленно вздернул брови. Признаться, я тоже удивился. Ведь не часто можно встретить американского губернатора вот так запросто у вулкана Масайя в Никарагуа. Джентльмены, оставшиеся у изгороди, насторожились и придвинулись. Они были, вероятно, из посольства или еще откуда-нибудь. Они как-то явно заторопились, но я решил все же вытянуть из губернатора несколько слов.

— Господин губернатор, вы здесь по какому-либо официальному делу?

— Ну, как вам сказать, это просто ознакомительная поездка,— ответил он, улыбаясь.

— Ну и каковы ваши впечатления от Никарагуа?

— Такие, как вот от этого вулкана. Все здесь бурлит.

— А вообще что вы думаете о современной обстановке в мире?

— Тревожная и опасная. Нам с вами надо как-то договориться, другого выхода нет. Иначе крах для всех.

Его спутники попросили губернатора к машине с номерами американского посольства. Встреча с советским корреспондентом не входила в его программу. Но я все же успел сфотографироваться рядом с ним, и мне даже показалось, что губернатор был не прочь побеседовать и дальше. Но, по-видимому, он не принадлежал тогда себе.

А вопросов у меня к нему было бы много. Прежде всего по поводу отношений между этими двумя странами — самым мощным и в военном и в экономическом отношении государством капиталистического мира и сравнительно небольшой, экономически слабо развитой страной Центральной Америки площадью в три Московских области и населением около трех миллионов человек.

Мне неизвестно, знал ли американский губернатор, когда заглядывал в жерло вулкана Масайя, что по приказам Сомосы сюда с вертолетов сбрасывали живыми политических противников диктатора. В тюрьмах и застенках избивали, пытали, убивали патриотов, осмелившихся поднять голос в защиту своего народа. Никто не знает точное число замученных, расстрелянных, пропавших без вести людей за время правления семейства Сомосы в этой стране. Исчисляется оно сотнями тысяч. А вот у Вашингтона все это зовется «демократией».

Но терпение народное кончилось. Народ восстал. Во главе освободительной борьбы встал Фронт национального освобождения имени Сандино. Сандино — герой Никарагуа, боровшийся против американской оккупации. Американским войскам пришлось уйти из страны, но самого Сандино заманили предательски в ловушку и убили. Сейчас даже неизвестно, где его могила. Но именем Сандино назван фронт национального освобождения Никарагуа, стоящий сейчас у власти.

В результате восстания режим Сомосы пал. Диктатор и его приспешники бежали кто куда. Но многие, особенно палачи из так называемой «национальной гвардии», служившей оплотом режима Сомосы, осели в соседнем Гондурасе. Их взяли под свое покровительство Соединенные Штаты Америки, которые с самых первых дней установления демократического народного правительства в Никарагуа заняли по отношению к нему жесткую, непримиримую позицию.

Никарагуа теперь уже не «банановая республика». В глазах Белого дома это исчадие коммунистического мира, это зараза, которую надо всеми силами уничтожить. Иначе она может перекинуться и на другие страны и перекинулась — в Сальвадор. И вот занялся друг Сомосы выкручиванием рук небольшой стране, осмелившейся противостоять гигантской военно-политической машине современного империализма. Подумать только — Белый дом, Пентагон, американские сенаторы и конгрессмены испугались Никарагуа. Каких только изощренных методов не предпринимают нынешние руководители США, чтобы вновь поставить Никарагуа на колени! В прошлом году они ассигновали на экипировку сомосовских банд, находящихся на территории Гондураса, 27 миллионов долларов. В этом году решено предоставить еще больше. Широко известно, что все оружие бандитам доставляется из Соединенных Штатов. Агенты ЦРУ осуществляют военную подготовку сомосовцев в специальных лагерях, находящихся вблизи границы между Гондурасом и Никарагуа. Их немало, этих бандитов, уже более десяти тысяч, сформированных в военизированные части, которыми командуют бывшие сомосовские гвардейцы, прославившиеся своими неслыханными жестокостями во время правления диктатора, и этим-то головорезам США поставляют сейчас даже ракеты «земля — воздух».

Я помню, какое возмущение вызвало минирование порта Коринто — морских ворот страны в 1984 году. Это сделали агенты ЦРУ по прямой указке американских властей. Сделали для того, чтобы изолировать Никарагуа от внешнего мира.

Готовясь к этой поездке, я просмотрел много газетных вырезок и прочитал немало статей об обстановке в Никарагуа. Поражает абсолютная неразборчивость Белого дома в выборе предлогов для организации провокаций против республики. Вводя экономическую блокаду в прошлом году, президент Рейган так формулировал причину этой акции: «Я нахожу, что политика и действия правительства Никарагуа создают прямую и из ряда вон выходящую угрозу для национальной безопасности и внешней политики Соединенных Штатов».

Смешно? Пожалуй. Но скорей абсурдно. Американская газета «Нью-Йорк таймс», комментируя заявление президента, писала: «Остановитесь на мгновение и вдумайтесь в эти слова. Никарагуа — это страна с населением в три миллиона человек, страшно бедная и отсталая, пострадавшая от сильного землетрясения. Может ли кто-нибудь всерьез поверить, что она представляет «угрозу» для Соединенных Штатов? «Из ряда вон выходящую угрозу»? Даже американские союзники по НАТО отказались присоединиться к экономической блокаде Никарагуа. Никто в «угрозу» не верит.

КОФЕ МАТАГАЛЬПЫ

Кофе — главный предмет никарагуанского экспорта, и от него зависят в значительной степени и экономика всей страны, и ее благополучие. Сейчас конъюнктура на мировом рынке благоприятная для производителей кофе — цены значительно подскочили, и нужно быстрее собрать, обработать и продать урожай. Стране нужна валюта, очень нужна. Основной производитель кофе — провинция Матагальпа, расположенная к северу от Манагуа.

Дорога уходит в горы, поросшие буроватой травой,— начинается сухой сезон. В Матагальпе нас ждет Хуан Рамон Уэрта, корреспондент газеты «Баррикада», который знает этот район как свои пять пальцев. Кофейная плантация находится неподалеку от шоссе, километрах в двух по проселку. Это обширное поместье принадлежало раньше самому Сомосе, и вам охотно покажут резиденцию, где останавливался диктатор. У него в отличие от сказочного маркиза Карабаса владения были действительно необъятные: и кофейные плантации, и плантации сахарного тростника, и бананов, и перерабатывающие предприятия. Кстати, все улицы столицы страны Манагуа и значительная часть шоссейных дорог вокруг города выложены цементными шершавыми шестигранниками, которые производились на предприятиях Сомосы. Шины они дерут безбожно. Но и шинный завод принадлежал диктатору, так что он получал двойную выгоду.

В государственном предприятии имени Хуана Мартинеса половина рабочих ходит с автоматами. Постоянным работникам плантации справиться с уборкой богатого урожая не под силу. Вот и прибыли сюда из столицы и других городов и поселков сотни добровольцев.

На площади мы встретили красивую девушку с пышными черными косами, в пятнистом маскировочном костюме и с автоматом.

— Буэнос диас, компаньеро,— обратился я по-испански.

— Буэнос диас,— ответила она. Я исчерпал свои знания испанского, но на помощь пришел Петушков.

— Вы давно здесь?

— Две недели. Я из Манагуа, студентка университета.

— Устали?

— Устала. Но кофе собирать кто-то должен. Я не одна здесь, все стараются изо всех сил.

— А автомат зачем?

— От «контрас» отбиваться, если нападут. Я сегодня в сторожевом охранении, а завтра пойду на плантации собирать кофе.

...Кофейные кусты растут по склонам гор. Тяжело лезть вверх по бурой влажной земле, но ведь мне нужно заснять за этим занятием кого-нибудь из добровольцев. И вот знакомьтесь: на развороте вкладки Ангелита Дэвила — шестнадцатилетняя школьница из местных жительниц. Она только что собрала кошелку спелых красных сладких ягод и собиралась ссыпать их в общий мешок. Тут-то я ее и поймал в объектив. Ангелита после окончания школы собирается продолжить учебу в университете. Хочет быть врачом и лечить маленьких детей. Сейчас это стало для нее возможным. У нее, как и у всех, каникулы, и, как все учащиеся, она собирает здесь кофе.

Ровно месяц с тех пор прошел, как в Никарагуа началась общенациональная «битва за кофе», которую ведут десятки тысяч крестьян и добровольцев, оставивших городской кров, чтобы помочь сельским жителям собрать драгоценный урожай. Один за другим отправляются с горных плантаций караваны с грузом «золотых зерен».

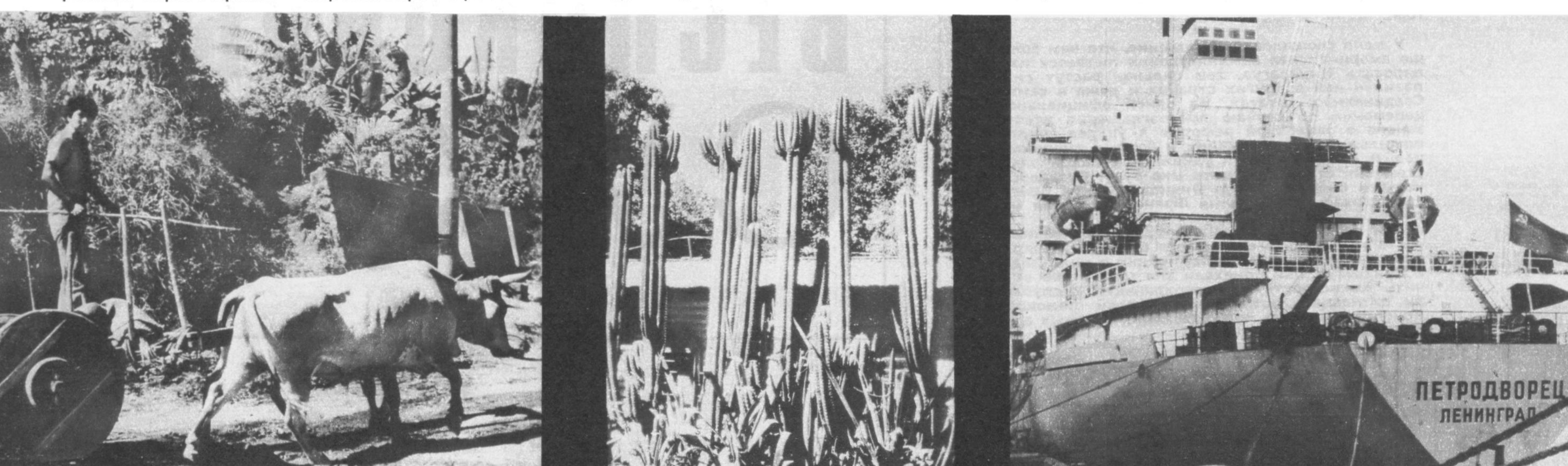
«Собрать урожай без потерь — значит выиграть еще одно важное сражение с американским империализмом»,— заявил координатор Исполнительной комиссии Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения, президент Никарагуа Даниэль Ортега. По призыву СФНО и правительства сборщики кофе без колебаний отправились в самые отдаленные районы. Каждый третий из них вооружен, так как почти 70 процентов урожая поступает из северной пограничной зоны, где орудуют террористические банды наемников ЦРУ. В прошлом сезоне от рук бандитов погибли около 200 крестьян и добровольцев, работавших на кофейных плантациях.

Сомосовцы сожгли десятки крестьянских кооперативов и государственных предприятий, занимающихся производством кофе. Дымящиеся руины остались от поселков Буэна-Виста и Ла-Эскосиа, затерянных среди бесконечных зеленых холмов департамента Матагальпа. Банда наемников напала на них в мае прошлого года, однако бригада добровольцев, прибывшая в эту зону в конце ноября, трудилась день и ночь, пока не восстановила разрушенные постройки.

МЫ ЕДЕМ НА ГРАНИЦУ

Если двигаться дальше на север от Матагальпы, то прибудешь на границу с Гондурасом. Здесь проходит панамериканское шоссе, и по нему можно проехать из Канады до Аргентины. Раньше движение по нему было интенсивным. Сейчас редко встретишь автомашину: действует американское эмбарго. Проезжаем поселок Тринидад. Сопровождавший нас корреспондент газеты «Баррикада» Хуан Рамон говорит, что в мае прошлого года поселок захватила сомосовская банда, которая сожгла школу, медицинский пункт. Они остановили автобус с женщинами, собиравшимися навестить своих сыновей, служивших неподалеку в частях сандинистской армии, и шестнадцать из них расстреляли.

В городе Эстели, центре региона № 1, встретились с Мануэлем Моралесом, представителем президента республики и политическим секретарем Сандинистского фронта национального освобождения в регионе. Курчавый, с сединой и добрыми круглыми глазами, он не раз сидел в застенках сомосовских тюрем, но както удавалось ему выходить оттуда без больших потерь.

— Мне просто везло,— говорит он, улыбаясь.— Могло бы быть и гораздо хуже.

Он достал карту региона. Граница с Гондурасом протянулась здесь на триста километров.

— Частично мы уже жестко контролируем ее. Потому-то вам и разрешили доехать до самого Гондураса. Но в целом ряде мест «контрас» все еще имеют возможность проникать к нам.

— Чего все-таки добиваются эти бандиты и их покровители?— спросили мы у нашего собеседника.

— Первоначально они планировали отрезать часть территории Никарагуа, создать здесь какое-то марионеточное правительство, которое якобы контролирует значительные районы. Затем это «правительство» должно было призвать на помощь войска соседних государств вроде Гондураса, а может быть, и самих США. Только эта затея у них провалилась. Теперь они просто хотят подорвать нашу экономику, запугать людей. Ведь и так большое число местных жителей было вынуждено переселиться в более безопасные районы к югу отсюда.

— А вы знаете, где находятся центры подготовки диверсантов на территории Гондураса?

— Конечно, нам это хорошо известно. Вот здесь лагерь Лас Вегас,— показывает он на карте,— здесь Терреноли, здесь Пальпальчи. Везде там командуют американские инструкторы из числа бывших карателей США во Вьетнаме. «Контрас» обучают методам убийств, пыток и актов саботажа.

Мы доехали до шлагбаума и остановились. Пограничный пункт Эль-Эспино. В трехстах метрах отсюда начинается Гондурас.

— Вон, видите, маленькая постройка на горе,— говорит сопровождающий нас офицер.— Это наблюдательный пункт гондурасцев, где могут располагаться, кстати, и сомосовцы. Не советую дальше ходить. Могут пальнуть из винтовки.

Мы и не собирались идти дальше. Подошли лишь к разрушенной сомосовцами таможне, сфотографировались на память у границы и направились обратно. Проезжаем разрушенную бандами школу, заброшенные крестьянские дома. А когда-то здесь кипела жизнь.

Впрочем, совсем недавно на границе вновь царило непродолжительное оживление. Сюда в канун Нового года подошла большая группа людей. Их было около трехсот — участников знаменитого марша мира: рабочие, студенты, профсоюзные активисты, представители прогрессивной интеллигенции двадцати пяти национальностей. Этот марш был выражением протеста против авантюристической милитаристской политики США в Центральной Америке, и его участники требовали уважения права народов этого района, в том числе и Никарагуа, на самоопределение и независимость.

Они шли с юга, из Панамы, и их путь лежал дальше на север. Но на этой границе их встретили вооруженные солдаты Гондураса и по приказу марионеточных государственных властей категорически отказались пропустить участников процессии на гондурасскую территорию.

— Администрация Рейгана и правящие круги Гондураса не хотят, чтобы мы стали свидетелями военных приготовлений, развернутых на территории этой страны Соединенными Штатами,— заявил позднее на пресс-конференции в Манагуа руководитель марша мира американский священник Блэйз Бонпайн. Их так и не пустили через территорию Гондураса, и часть пути им пришлось проделать самолетом.

У меня сложилось впечатление, что чем больше американская администрация пытается изолировать Никарагуа, тем сильнее растут симпатии к ней в других странах и даже в самих Соединенных Штатах. На одной официальной церемонии по случаю провозглашения нового закона о земельной реформе я увидел группу пожилых, но еще крепких и бодрых американцев. Я представился и удивился, с какой радостью они стали пожимать мне руку. Оказалось, что это бывшие бойцы Линкольновской бригады, сражавшиеся против Франко во время испанской войны.

Они наперебой говорили, что там, в Испании, часто встречались с русскими бойцами и сохранили самые лучшие воспоминания о них. Сюда, в Никарагуа, они приехали для того, чтобы вручить министерству здравоохранения республики пятнадцать автомашин «Скорой помощи», приобретенных на пожертвования рядовых американцев.

См. стр. 16.

ПАМЯТЬ

Дмитрий ЛИХАНОВ

БЕСПОКОЙНЫЙ СУХОВ

Сухова все знают. Даже прикорнувший у обочины дороги бульдозерист в промасленной, как оберточная бумага, спецовке, и тот, лишь открыл спросонья глаза, тут же понял, о чем речь: «Женька Сухов? Вон туда вертай, направо. На пригорочке и дом его».

Направо шло строительство. Похожий на гигантскую саранчу автоскрепер враскорячку ровнял по дороге мокрый щебень, хрустящий под колесами так, словно ступаешь по битому стеклу. Отсюда уже видны пригорок, дом Сухова и сосны у дома, изогнувшие стволы в каком-то современном танце.

На высушенное утренним солнцем крыльцо вышел сам Сухов в свитере грубой вязки, с лицом крупных черт, словно вырубленным из камня. Протянул крепкую ладонь — здравствуйте!— и улыбнулся открыто. Так улыбаются только добрые люди.

Про Евгения Сухова я разное слышал. Говорили про него, что человек он редкостных качеств, беззаветно преданный лесу и оставшейся в этом лесу братской могиле. «Чудик,— говорили иные,— все ему неймется».

В городе, если к кому придешь в гости, начнут показывать новую стенку, спальню-альковчик, кафелем редким гордиться и лоджией. Сухов пошел показывать лес, потому что чем же ему еще гордиться, как не лесом.

— Там дальше,— сказал Сухов, указывая на чащобу,— все поляны в металлоломе: рамы от «студебеккеров», крылья от «эмок». С войны лежат. Как кости. Недавно колесо нашел от «эмки», а в нем елочка проросла. Вот сюда, к дороге, пересадить собираюсь. Вместе с колесом, иначе никак... Ладно. Теперь пошли к госпиталю.

Он сказал это так, словно госпиталь, находившийся метрах в двухстах отсюда, работает и теперь, словно и поныне едут к нему крытые машины с ранеными из-под Вязьмы и Ельни. На самом деле госпиталя давно нет. Остался только фундамент, покрытый плесенью и трещинами. Сухов до сих пор не знает, что это был за госпиталь, кто здесь работал, кто попадал сюда с передовой. Рядом с фундаментом военного госпиталя Сухов высадил ели. Если бы он был скульптором, то поставил бы здесь гранитный памятник, но Сухов — лесник и памятники ставит не из гранита.

Там, где стояли госпитали и медсанбаты, сразу же появлялись братские могилы. Они следовали за госпиталями неотступно, потому как шла война и солдаты погибали не только на передовой. Госпиталя уже нет, а братская могила осталась, и в ней останки более трехсот бойцов.

Минувшей весной, как и обычно, Сухов с женой устроили маленький субботник: сам Евгений Петрович подкрасил, подновил фигуру солдата на пьедестале (он иногда так тяжело смотрит, говорит Евгений Петрович), а жена его разрыхлила землю, высадила цветы и тряпочкой протерла пластинки с фамилиями захороненных здесь бойцов.

— Родные их далеко, по всей стране, а я тут, рядом. Кому, как не мне, за могилой этой ухаживать,— сказал Евгений Петрович.

Сухов даже специальный блокнот завел, куда переписал фамилии и инициалы всех тех, кто похоронен в братской могиле. Всех трехсот знает он поименно, все триста стали ему навроде братьев родных, а он, выживший в шальное то лихолетье, словно у них в долгу.

— Вон там липовую аллею высадил. Правда, сил малость не рассчитал, надорвался. Вот здесь в следующем году пруды будут, а от могилы к Минскому шоссе еще одну аллею высажу, чтобы с дороги видно было,— сказал Сухов и добавил:— Пусть в красоте спят.

Некоторые дачники, что приезжают в Мясоедово на лето, судачат о Евгении Петровиче: дескать, у мужика хозяйство какое огромное, а ни машины, ни мебели модной нет. «Не иначе как копит в кубышку»,— рассуждают они, попивая чай на террасе.

Видел я суховское хозяйство, оно и в самом деле большое: девять бычков, которые выделил совхоз на откармливание, лошадь, ряды ульев на огороде, куры. Сухов не скрывает — доход от всего этого немалый.

Убедился: ни машины, ни современной радиоэлектроники, ни мебели дорогой у Евгения Петровича действительно нет. Только ведь нет и никакой кубышки.

Жена Евгения Петровича раскрыла тайну, рассказала, куда идут личные сбережения мужа,— строит он дорогу.

М. Гуйда. Род. 1955. ПЕРВЫЙ ПОЛКОВОЙ. 1983.

В. Сафронов. Род. 1932. КЛЯТВА. 1969.

По преданиям и документальным свидетельствам, именно здесь, по этой дороге, гнал Кутузов наполеоновскую армию. С тех пор дорога заросла ольшаником, ивняком и стала непроходимой. Это одна причина, по которой Сухов решил восстановить ее. Другая не связана с историей. Просто людям, которые приезжали к братской могиле, у суховского дома раньше приходилось делать крюк, а теперь вот, пожалуйста, от шоссе прямиком. Всю осень Евгений Петрович Сухов с женой корчевали деревья, обочины устраивали, семьдесят шесть самосвалов щебенки привезли и дорогу обустроили. Много труда положили, много затрат. Вот почему нет у Сухова ни автомобиля, ни уютной мебели.

По дороге к суховскому дому бежит на тоненьких каблучках почтальонша Оленька и, завидев Евгения Петровича, кричит:

— Дядя Женя, почта вам!

Сухов для смеху делает суровый вид и начинает распекать почтальоншу:

— Ты чего форсишь — с такими каблуками по такой грязи.

— Нешто мне тяжело?— смеется Оленька и передает Сухову газеты вперемешку с конвертами.— Умучили вы меня, дядя Женя; под праздники вам писем целый воз.

Письма эти от тех, как правило, кому Сухов когда-то помог. А помогать приходилось часто.

— Как-то сижу дома,— рассказывает Евгений Петрович,— и вижу, что подошел к памятнику человек. Смотрю, читает, ищет кого-то. Потом идет к дому, представляется директором птицефабрики со Ставрополья. Показал похоронку на отца. Все сходится: и место, и год, однако фамилия такая в списках похороненных не значится. Посидели, поговорили. Что ж, в войну всякое бывало. Бывало, что ошибка в казенную бумагу закрадется или что еще. Уехал он, а мы написали на памятнике еще одну фамилию.

Сколько раз уж такое было. Вдруг нежданно-негаданно войдет в дом Сухова незнакомый, усталый после дальней дороги человек и протянет ему поистертую от времени похоронку, дескать, в ваших краях, помогите. И Сухов, будь то полдень или глубокий вечер, идет вместе с тем человеком к памятнику, ищет. Порой находят, порою нет. И тогда Сухов вносит на металлическую дощечку недостающую фамилию. А если бы было возможно, он вписал на дощечки «своего» обелиска имена всех тех, кого до сих пор, спустя уже сорок лет, ищут и не могут найти их близкие и родные.

Рассказывают, что особо чудит Евгений Петрович Сухов на День Победы. В этот день много народу съезжается к братской могиле, и Сухов, расставив перед домом столы, забив свинью, всех их — знакомых и незнакомых — угощает, песни с ними поет.

Поинтересовался, так ли все это. Оказалось, все верно: и столы с угощением, и песни. Мало того, тех, кто прибыл в деревню Мясоедово издалека, Сухов оставляет на ночлег.

В минувшем году к сорокалетию Победы Сухов начал готовиться задолго. Побывал в Ленинграде, где приобрел проигрыватель и целую кипу пластинок с военными песнями. («Одну колонку на эту сосну повешу, другую — на ту. Чтоб во всей округе слышно было».) Жена Сухова выскребла горницу, окна помыла, сока березового заготовили. Ждут не дождутся гостей. Я не попал к Сухову в праздник, но слух дошел — торжественно было.

Но главное, о чем думает Сухов уже не первый месяц, к чему готовится с чувством затаенной гордости, для многих пока секрет. Задумал Сухов ржавой солдатской каской насыпать курган Славы.

Евгений Петрович сел на костлявый, зарывшийся носом в землю плуг, надел на голову проржавевшую солдатскую каску, словно захотелось ему вдруг почувствовать себя в окопе, под бомбежкой, понять (или услышать?) сквозь железо то, что слышали и понимали солдаты сорок первого. Но кругом было тихо, только на шоссе урчали многотонные грузовики дальних перевозок. Сухов не воевал, он не мог ничего услышать.

Да, Сухов не воевал. В сорок первом Жене исполнилось только три года. Только три. Сейчас ему сорок восьмой. Что он мог запомнить? Но он запомнил. И эта память как родимое пятно — не сдерешь.

Вот сестра сидит на подоконнике. Больше ее не видел — умерла. Вот они с мамой куда-то идут. Помнит, что по асфальту, что лапти подшиты резиной. Вот телега, и кто-то сажает его на эту телегу, а потом мост бревенчатый, и он чуть не падает. Вот изба и теплое тело матери, а ему холодно все равно. Шум и перестукивание колес. Вагоны, где все кричат и плачут, и дождик сверху. Город, на наши непохожий, лай овчарок, очередь, как в баню. Слова матери: «Это Дахау»,— а потом еще: «Лезь под юбку». Опять крики, потом тишина. Город Аугсбург, трудовой лагерь, женщины на аппельплац, а среди них даже негритянки. Эсэсовец по кличке «трипотри» и его липовая дубинка с узорами, гнилая капуста, вожак лагерных пацанов Костя-белорус, подкоп под «колючкой» и пони в Аугсбургском зоопарке. Потом бомбежки, опять солдаты, опять плач женщин. Их снова ведут, но теперь — он понимает — домой!

Последнее, что запомнил Женя Сухов из той войны, был эшелон, остановившийся вдруг посреди леса. До конца дней своих не забудет он той минуты — кубарем скатился по откосу и упал в земляничную поляну. Срывал горстями сочные, налитые ягоды и ел, ел, ел.

Да, не воевал Сухов, не пришлось. В окопе не сидел, в атаку не поднимался. Ну, а если бы родился раньше и попал под военный призыв? Что тогда, каким бы он был солдатом? Трудно предполагать, трудно примерить человека невоевавшего к жестким меркам войны. Однако одно обстоятельство, вернее, одна черта суховского характера, дает на это право. Сухов до бессонницы любит землю, на которой стоит, землю не абстрактную, а вполне конкретную, вывороченную плугом, с комочками и корешками трав. Сухов радеет за лес — вот этот, что высится за окошком его дома, за дождь, за пробившиеся на пригорке цветы мать-и-мачехи. Так что родись Сухов раньше и попади он под военный призыв, поднимался бы в атаку и дрался до последнего именно за эту землю, лес, дождь, которые, суть, и есть Родина.

И все же было непонятно — зачем, почему все это? Эта дорога, устройство праздника для ветеранов и их близких, музыка на всю округу, ухаживание за братской могилой, курган Славы... Зачем ему — невоевавшему леснику — это подвижничество? Ведь не входит же все это в прямые его обязанности! Спросил у Сухова: зачем?

Он ответил неожиданно и ясно: «Совестно».

Только потом понял, что имел в виду Евгений Петрович. Ему, должно быть, и в самом деле совестно, что родился он только в тридцать девятом, что пальцы не знают дрожи гашетки, а барабанные перепонки — квакающего полета мины. Совестно перед теми, кто там был, совестно, что он здесь, живой и здоровый, а они в братских могилах; перед теми, кто приезжает сюда на День Победы, тоже совестно. Вспомните, кто из нас не испытывал смутного чувства вины, стоя у солдатской могилы? У Сухова то же самое, только помноженное на триста шестьдесят пять дней в году.

Передо мною много писем. Почти все с одной и той же просьбой: помогите разыскать могилу мужа, брата, сына, отца, погибших на фронтах Великой Отечественной. Приехав в Мясоедово, показал письма Сухову, сказал, что вот, дескать, не смог ничем людям помочь.

— Так в чем же дело?— удивился Евгений Петрович.— Пусть приезжают ко мне.

Быть может, он и прав. Может быть, именно здесь, Николай Иванович Конопкин, лежит ваш отец, погибший под Ельней, или же ваш брат, Алексей Михайлович Осипов, павший в бою за деревню Синички. Ну, а если даже это не так, если нет их имен на памятнике у деревни Мясоедово? Разве эта земля не частица той, смоленской, в которую полегли навек ваши братья, отцы, мужья? Разве, преклонив голову перед этой братской могилой, не почтите тем самым память ваших близких? Ведь не зря же могила эта — братская.

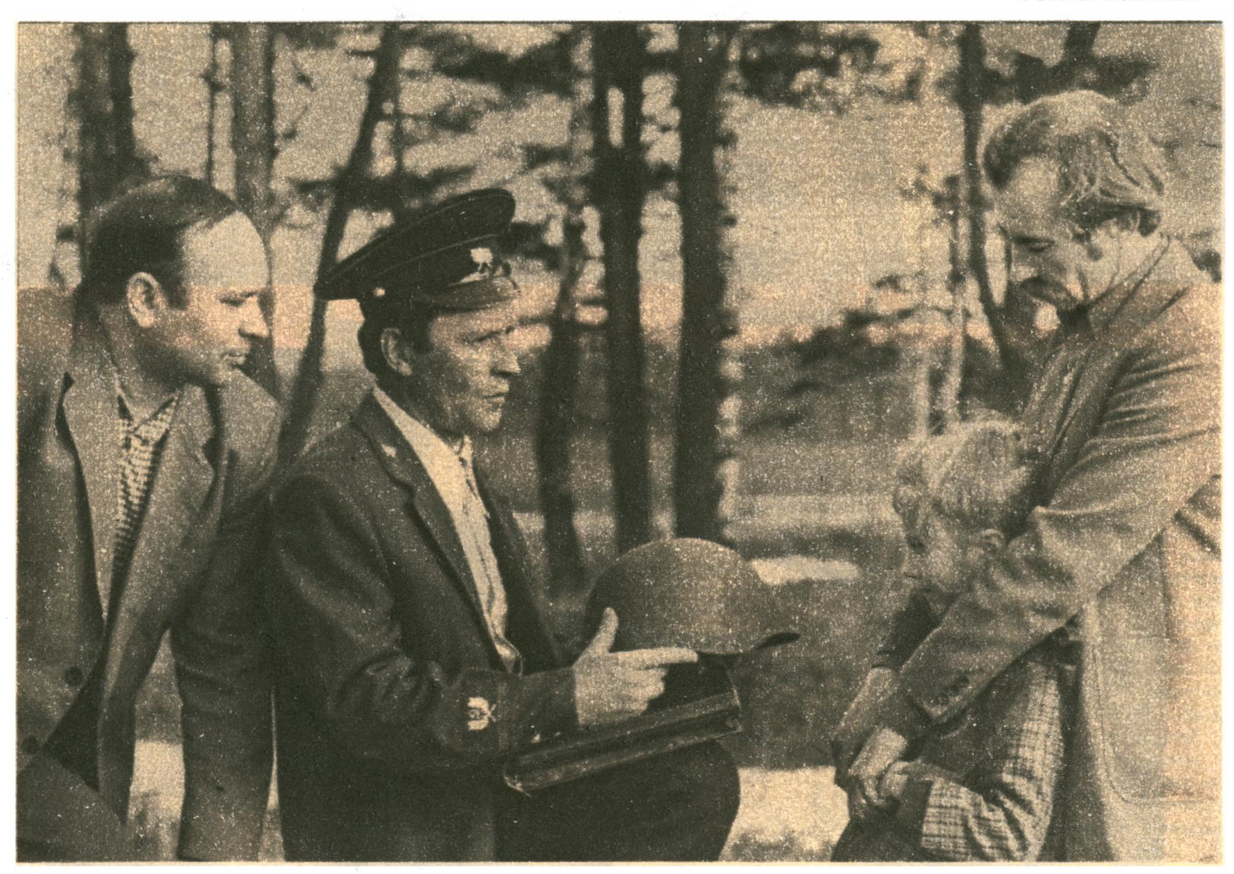
Приезжайте к Сухову, помогите ему насыпать ржавой солдатской каской курган Славы, песни военные попойте, посидите с ним за одним столом. Он ждет.

Не забудьте: от Вязьмы после Мясоедова первый поворот направо. Там спросите: Сухова все знают.

д. Мясоедово
Смоленской области.

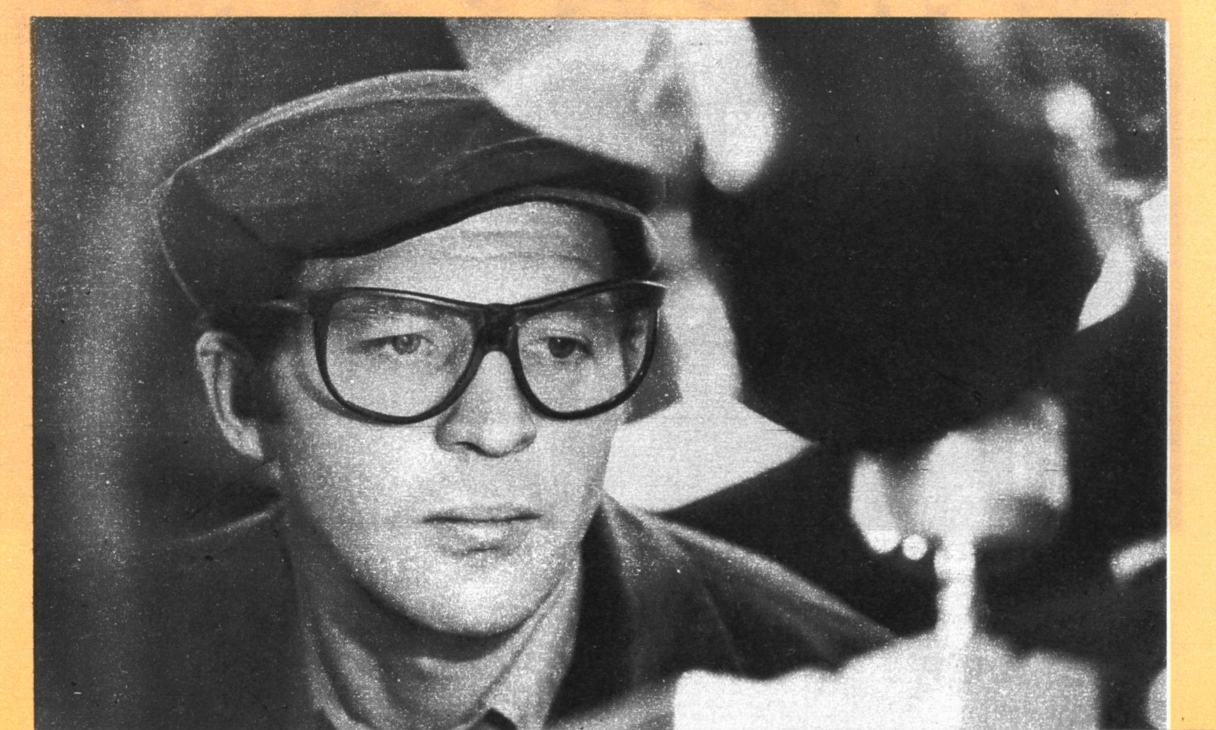
Лесничий Евгений Петрович Сухов (в центре).

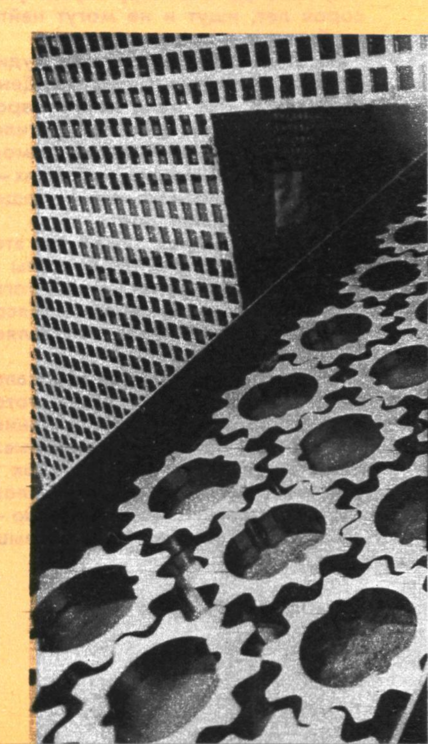
Фото В. Ковалева

Проходит проверку карбюратор для ВАЗа... Испытатель топливной аппаратуры В. Я. Абрамов (слева), начальник бюро технического контроля Г. И. Янаев и начальник бюро отдела механизации и автоматизации И. М. Бочкарев.

Фрезеровщик Виктор Шпичко. Цех штампов.

См. 2-ю обложку.

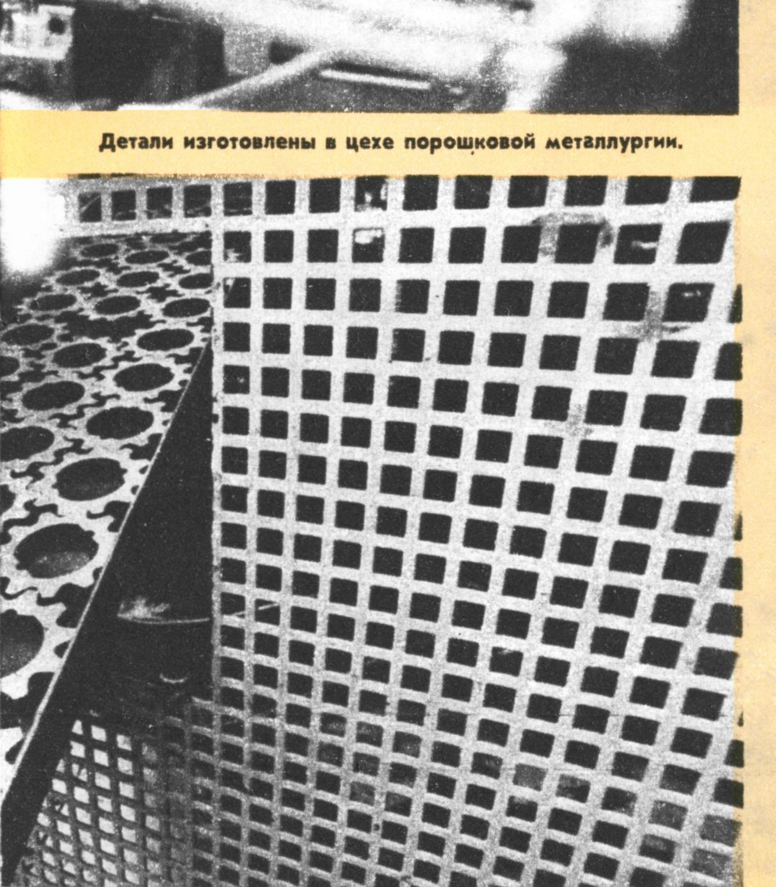
В РИТМЕ ВАЗА

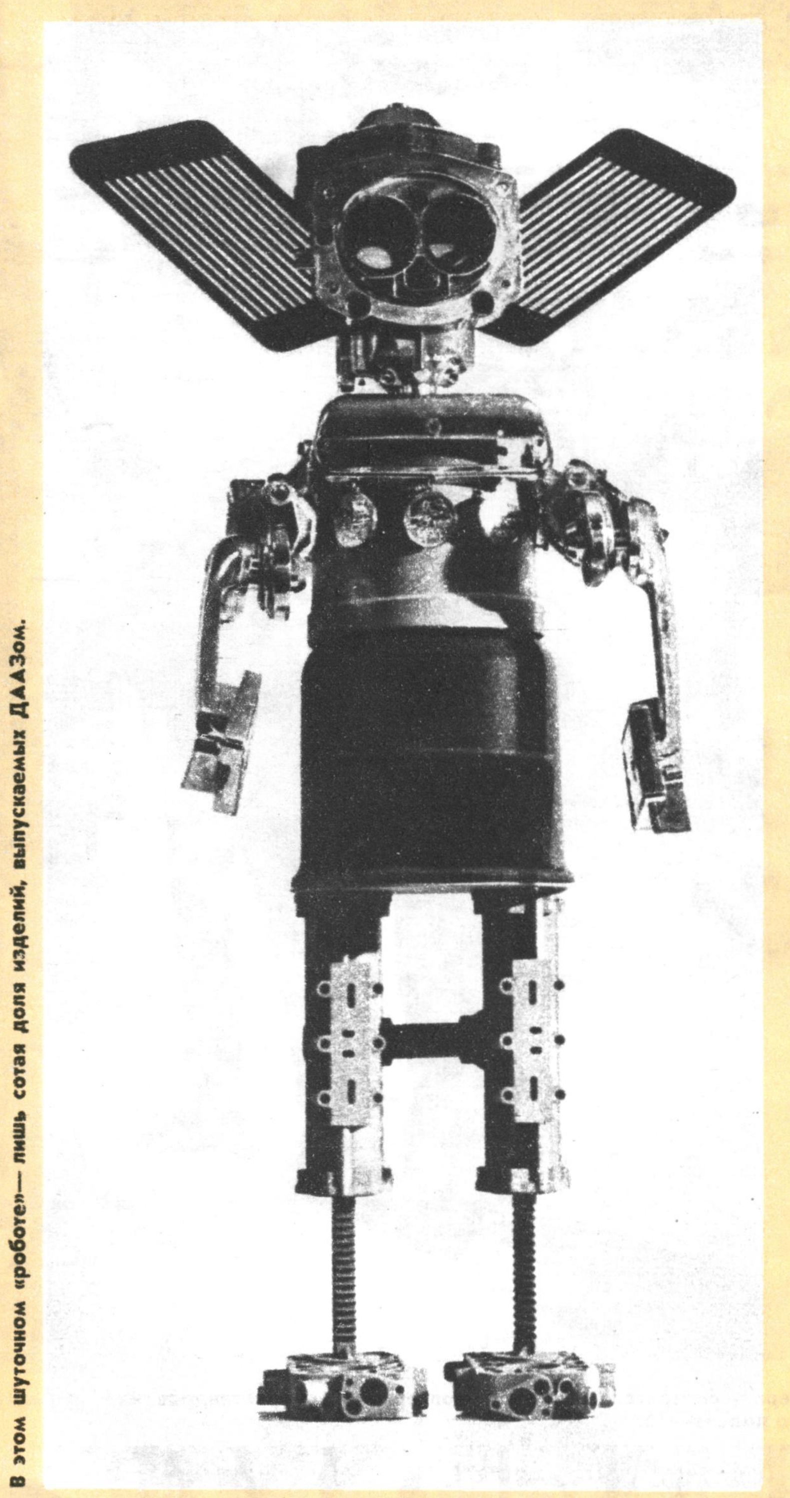
ЧЕСТЬ ЗАВОДСКОЙ МАРКИ

РЕШАТЬ ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНО

БРИГАДА, ПОДАЮЩАЯ ИДЕИ

Детали изготовлены в цехе порошковой металлургии.

В этом шуточном «роботе» — лишь сотая доля изделий, выпускаемых ДААЗом.

Б. СМИРНОВ,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Мелекесс, маленький город в заволжской глуши, в старой России так и не успел заслужить себе доброй славы за всю свою недолгую историю. Нынешний Димитровград красив, современен и многолюден, и только то, что одним из его «хозяев» стал институт атомных реакторов, придает городу солидную значимость в масштабах страны. И все же не менее половины жителей города так или иначе связаны с предприятием, которое сделало Димитровград широко известным и у нас, и за рубежом. Почти для всех автомобильных заводов страны ДААЗ — Димитровградский автоагрегатный завод имени 50-летия СССР — поставляет узлы, детали и агрегаты. Если говорить образно — именно здесь, в Димитровграде, в значительной доле делаются все модели знаменитых «Жигулей».

Егерь — смотритель заводской вольеры Н. С. Александров и его подопечная.

В часы досуга на Большом Черемшане.

В гальваническом цехе много лет живут... белочки.

Понять это чувство в полной мере сможет, наверное, только автомобилист. Если человек неделями слонялся по автомагазинам в поисках какой-то запчасти, приценивался к ней у спекулянтов и даже видел во сне, а потом вдруг очутился у полных ящиков, целых гор этих самых деталек, он испытывает безмолвное потрясение. Это чувство ближе всего к страданиям неразделенной любви, если оно приходит к человеку в заводском цехе, где вожделенные детали пока еще не детали, а лишь промышленная продукция, и, следовательно, так же далеки от тебя, как мираж в пустыне... Но наш потребитель закален в трудностях не хуже, чем путник в безводном краю. И я, попав на такой завод, нашел силы ощущать себя не Аладином в волшебной стране изобилия, а представителем армии тоскующих у прилавков покупателей. И потому, отбросив заранее заготовленные в редакции вопросы о цифрах плана и темпах роста, при каждом удобном случае говорил то, что говорил бы на моем месте любой нормальный автомобилист:

— Ну вот хотя бы эта деталь; не какой-то там агрегат, а обычная пластмассовая отливка, так почему нельзя таких отлить столько, чтобы она перестала быть дефицитом!

Я держу в руках красивую, как елочная игрушка, деталь из разноцветных пластмассовых «стеклышек»: это, если говорить точно, рассеиватель заднего фонаря для автомобиля ВАЗ-2104. Деталь заметная, сразу бросается в глаза, стоит лишь взглянуть на автомобиль, и очень важная — с ее помощью машина как бы «разговаривает» световыми сигналами. Но... больно она хрупкая, легко раскалывается, а покупается с мучениями, и не «втридорога» — в «стодорога», хотя госцена ей — сущие пустяки. А без фонаря со двора не выедешь... Почему бы не завалить таким добром все прилавки! Но, прежде чем дать ответить на этот вопрос начальнику цеха переработки пластмасс Анатолию Кузьмичу Шлепневу, я расскажу о том, как этот рассеиватель изготавливается, точнее, о самом последнем этапе его изготовления.

Вот литьевая машина. Перед ней стоит женщина в халате, в нитяных

Делегат XXVII съезда КПСС полировщица В. Н. Абрамова и старший мастер Н. В. Галин.

Тут выращивают овощи для рабочих.

перчатках, держит в руках разноцветные квадратики пластмассы и внимательнейшим образом разглядывает их на свет. Потом зачищает их края, потом протирает их, составляет вместе и аккуратно закладывает в машину. Минута — и из машины вынимается уже готовый светофильтр. Литейщица заворачивает деталь в мягкую бумагу, укладывает в контейнер... Много, ох много «ручных» операций!

— Что вы рассматриваете?

— Микротрещины, сколы всякие. Бывает, мутное пятнышко замечу — тоже брак. Требования очень строгие, а материал капризный,— объясняет литейщица.

— А вы давно на этой работе?

— Уже восемь лет. Сначала фонари проще были, теперь вон какие большие, многоцветные! Уж сколько мы мучились, пока по ним машину настроили! А брак все равно идет. Вот видите, трещинка, чуть заметная? Уже брак, сегодня что-то много идет, на каждую сотню — десяток изделий с трещинами. Наладчик бьется, но пока не получается. Деталька простая, дело непростое...

— Наш цех выпускает сейчас изделия четырехсот двадцати наименований. Это светотехника, кузовная арматура из пластмассы,— рассказывает А. К. Шлепнев.— Почти четверть изделий — для новой, «ноль восьмой» модели ВАЗа. Модель эта добавилась, но и прежним моделям детали все равно нужны, значит, объем работ для нас увеличился. И изделия усложнились.— Анатолий Кузьмич кивнул на многоцветный рассеиватель, который я держал в руках.— Литьевые машины работают надежно, самое для нас сложное изготовить оснастку, пресс-формы. Нужны очень квалифицированные слесари-инструментальщики, а их не хватает...

Чем больше я вникал в дела производства, тем отчетливее возникало ощущение неких «ножниц»: возрастает план, количество изделий, их сложность, качество, а условия те же, и люди те же, их даже меньше стало в цехе на шестьдесят человек, а интенсивность работы соответственно возросла. И я уже не решился бы теперь сказать: «Отлейте деталей побольше, что вам стоит!» Между прочим, цех, несмотря ни на что, со своим планом справляется.

— Который год смотрю из окна, как строится для нас новый цех... Обещают сдать за пятилетку, а нам уже сегодня в цехе не повернуться. Вот вам и ответ, когда будем выпускать изделий с избытком!— улыбается наконец Анатолий Кузьмич.— А к тому времени ВАЗ освоит новые модели машин, значит, возрастет объем работ и для нас. Будем расширять парк оборудования... Вы обратили внимание, что у нас стоят сейчас только импортные литьевые машины? Нам предлагали отечественные, одесского и херсонского заводов, но пришлось отказаться: эти машины не смогут пока обеспечить то качество изделий, которое нам необходимо. Плохие гидросистемы, слабая электроника. Видите, вопрос надо решать комплексно и в рамках не одного завода. Тем более что в «Жигулях» год от года все шире металлические изделия заменяются пластмассовыми. Автомобиль будет легче, а значит, экономичнее. Так что проблемы нашего цеха — лишь часть общих забот...

Да, чего-чего, а комплексности в этих делах хватает. Например, водители жалуются, что та же цветная пластмасса фонарей и подфарников быстро выцветает, а димитровградцы, оказывается, уже давно «воюют» с заводом, который поставляет им красители. И есть такой путь борьбы с нынешним дефицитом: сегодня фонари с мелкими трещинками, сколами да и другой подобный брак идет в переработку, хотя все это можно продавать в специальных магазинах некондиционных товаров (такие магазины есть в Куйбышеве, Тольятти, Димитровграде, популярность их колоссальна). Потеря заводского престижа? Но ведь есть же товары и второго, и третьего сорта... Лучше иметь фонарь с микротрещиной, чем не иметь ничего. Короче, и Министерство автомобильного транспорта, и Министерство торговли совершили бы доброе дело, не побоявшись в нем совместно разобраться...

Не слишком ли я увлекся делами одного цеха, только этого — из тысяч других — вида продукции ДААЗа? Но, наверное, стоило показать, как легко превратиться в обывателя, пытаясь смотреть на большие проблемы лишь с высоты своей колокольни.

Проблемы обнаружились и там, где я, считая себя (как и многие) «специалистом» по автомобильным делам, вовсе не предполагал никаких сложностей. В кабинете директора ДААЗа, когда речь зашла о самых насущных заботах завода, Станислав Трофимович Кваша заговорил о... золотниках.

— Осложнения с выпуском вентилей возникли еще давно,— рассказывает директор.— Главная причина — недостаток квалифицированных кадров. Почему не хватает народа? Мы знаем, что в городе «лишних» рабочих рук уже не найти, надо привлекать людей «со стороны», а соцкультбыт у нас отстает: до сих пор нет заводского Дворца культуры, плохо с выездом детей в пионерские лагеря, нет хорошего стадиона. Сейчас такие «мелочи» стали, как видите, прямой помехой производству. Раньше казалось: поставим в цеха новую технику — и все проблемы отпадут! А их на деле стало больше... Новые темпы, возможности автоматики требуют интенсификации и от людей, а психологию человека часто перестроить сложнее, чем построить завод. Взять те же вентили: мы всеми силами выправляем положение, приняты эффективные меры, но все по-прежнему упирается, как сейчас говорят, в человеческий фактор...

Известно, что ВАЗ, наш основной смежник, постоянно меняет и совершенствует модели автомобилей. Мы должны идти с ним, как говорится, в ногу. Так, предстоит освоить не менее двухсот двадцати изделий новой номенклатуры, в том числе свыше ста — для будущей молодежной микролитражки «Ока». Если исходить из сегодняшней технологии, мы должны принять на завод, чтобы справиться с планом, еще около двух тысяч человек! Но этого не произойдет — весь прирост объема продукции будет достигнут за счет повышения производительности труда. Разработана целевая комплексная программа, которая и определит необходимые темпы. В основе ее — люди, их инициатива!

...Лев Иванович явно не ждал гостей. Не то, наверное, успел бы прикрыть от посторонних глаз какую-то конструкцию, стоящую прямо в проходе. Что это будет? «Да так, пока все еще в тумане, рано говорить»,— засмущался слесарь. Не очень охотно говорил Климанов и о том, что уже сделано: «Так, мелочи все это...» Прошли по цеху, Климанов показал «свои» установки; этот автомат усовершенствован, этот вибробункер дополнен, этот узел придуман заново... Там, где раньше человеку приходилось руками насаживать на тоненький стерженек крохотную резиновую шайбу, теперь работает придуманное Климановым устройство, и человеческие руки освободились. Мелочь, еще одна, еще — и уже три человека высвобождены от нудной работы!

— Да вы особенно не расписывайте, это все уже устарело,— предупреждает Лев Иванович.— Вот колпачок вентиля теперь конструкторы чуть укоротили, изменилась центровка — значит, придется придумывать что-то новое, переделывать загрузочное устройство.

— Вы все это в одиночку придумываете?

— Нет, бригада у нас шесть человек, разве можно сейчас что-то одному создать? Расых Миникаев в техникуме учится, Сергей Родионов — в институте, Александр Науменко и Николай Сарбаев — опытные наладчики...

— А изобретать давно начали?

— Что там изобретать — так, для души работа, чтобы мозги не засохли! Видим же — оборудование совершенное, а все равно есть что модернизировать. Бывало и так: дали нам импортный станок, просят: наладьте. А я говорю: с этим станком возиться да возиться, давайте мы лучше новый станок сделаем! Говорят: пожалуйста, лишь бы можно было на нем фаску подшипника как следует обрабатывать! Ну, мы и сделали. В основном по вечерам, после работы. Потом эту операцию от нас на ВАЗ передали, и станок туда же уехал.

— А кто у вас в бригаде подает идеи?

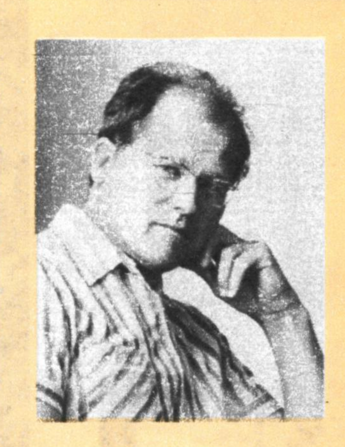
— Все подают. Один одно предложит, другой другое. Спорим много... Вот, места мало, кульман поставить некуда, нам ведь чертить много приходится...

Потом, когда мы уже уходили из цеха, сопровождавший меня работник завкома удивленно заметил:

— Вот не думал, что вы заинтересуетесь Климановым, ведь у нас на заводе много других рационализаторов, не хуже!

...Какой это все же сложный, интересный и трудно поддающийся регулировке механизм — заводской коллектив! Собираясь на ДААЗ, я ожидал увидеть сравнительно молодое, но передовое, ритмично работающее предприятие с современной автоматикой, роботами, технологией. Все это здесь действительно есть, от времени производство не отстало, да и показатели у предприятия отличные: задание пятилетки выполнено досрочно, выпущено на миллионы рублей сверхплановой продукции, причем в значительной части — высшей категории качества. Среди многих достижений завода — рост выполнения договорных обязательств. По сравнению с прошлыми годами он измеряется в сотых долях процента, но каждая такая сотая доля дается высочайшим напряжением сил всего коллектива. Здесь, кстати сказать, более двухсот бригад, цехов, лабораторий и других коллективов имеют звание коммунистического труда. Но все это совсем не значит, что коллектив живет без проблем. Да иначе и быть не может: вряд ли существует предприятие, где любое дело хоть сейчас — на доску почета! И хорошо, что на ДААЗе не прячут свой мусор по углам избы, а открыто и честно ищут — и находят — выход из постоянно возникающих тупиков. Что же, легкой жизни и в будущем ни для кого не предвидится. Особенно для тех, кто идет впереди.

Ульяновская обл.

Алберт ЛОЧМЕЛИС

У СТРЕЛКОВ, НА БЕРЕГУ ДАУГАВЫ

Замолкли далекие грозы,
Не скачут на черном коне.
Молочно белеют березы
И свет отдают тишине.
Гляжу я в гранитные лица.
Мне парень
вот этот
знаком.
Да кто же тому удивится,
Что встретился я
С земляком?
Летящим подернуты дымом
Его молодые черты.
Но веет простым и родимым
С гранитной
его
высоты.
Стрелкам в охранение скоро.
Нетрудно им сон превозмочь.
Женой в одеянии скорбном
Встает за плечами их
Ночь.
И мысль эта
Сердце мне будит:
Да кто же такие они?

Одна из давних уже, самых ранних Наташиных сказок была опубликована на страницах «Огонька» более пяти лет назад... Надо ли говорить, как это окрылило юную сказочницу. Она тогда поверила в себя, хотя сказок в ее творческом «багаже» было уже немало. Но именно общение с читателем, отклики, письма читателей подтвердили окончательную веру в призвание, да, пожалуй, и в самую жизнь, пусть нелегкую... Как бы заново открылась перед Наташей прелесть любимого жанра, его беспредельные возможности. Словно зорче она увидела, точнее, тоньше почувствовала, услышала все то, что окружало ее днем, шепталось с ней ночью и становилось вдруг сказкой — новой, особенной.

Сегодня, когда читаешь именно эти новые, сегодняшние Наташины сказки в журналах и газетах, слышишь по радио, смотришь в телепередачах для де-

Наталья Абрамцева. Сказка о веселой пчеле. М.: «Детская литература», 1985. 48 стр.

Чуда великого миг...

Спартанцы?
Железные люди?
Граниту и вправду сродни?
Но нет,
Не такими застыли
Они у родимой реки.
Простыми рабочими были,
Рабочими
были
стрелки!
И с новой сердечною жаждой
Я к ним, легендарным, влеком.
До боли,
До черточки каждой
Мне парень
вот этот
знаком.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Ты отринуть ее не спеши.
В ней загадка
Твоей же души.
Что, проста она?
Да, брат, проста,
Как просты те родные места,
Дорогие поля и леса,
Отгремевших громов голоса.
Ее медный,
Торжественный зов
Столько скорбных хранит голосов!
С нею
Долгие слышишь века,
Значит, вряд ли и жизнь коротка.
В ней
Восходит над далью веков
Марш серебряный
Красных стрелков.
Кто бесстрашен,
Чья воля крепка,
Тот отпил
Из ее родника.

РАНЕНЫЙ

Неужто я один на поле боя?
Кричу я в ночь.
Мне жажда губы жжет.
И эта ночь,
Как существо живое,
Мне на листке
Росинку подает.
Вокруг, темна,
Сгоревшая пшеница
И мертвенного пепла круговерть.
Но я — живая,
Нужная частица
Народа,
Что не может умереть!
Я не в реке темнеющая льдина,
Не в поле одинокая лоза...
Свой вижу строй
Железный и единый,
Хоть кровь и заливает мне глаза.

ПО ДОРОГЕ НА РАБОТУ

Вечен,
велик,
всемогущ навсегда
Ты,
самый будничный
труд!
Твердо я знаю:
придут в никуда
Те,
что тебя
обойдут.
Знаю я силу
твоей доброты.
Мысль эту
выстрадал сам:
Скольких
от гнили,
от трусости
ты
Да и от смерти
спасал!
В сердце
зарубка твоя
у меня.
С нею
я сердцем постиг:
Миг быстротечный
рабочего дня —
Чуда великого
миг!
Пусть он небросок
и даже незрим,
Да и как будто
не нов.
Но открывается
только за ним
Слитная
поступь
веков!

ЧИТАЯ «КНИГУ ПАМЯТИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БОРЦОВ ЛАТВИИ»...

Что ни страница —
Бессмертья прелюд!
Нет, то не скрипки —
То пули поют.
То колокол бьет,
Когда, ночь кровеня,
Дом обвивают гадюки огня.
Это и песни напев огневой:
«Выйдем, любимая,
Вместе на бой!..»
Да, то не томные скрипки поют.
Это полки грозовые встают.

Окна захлопнулись
Особняков...
Хватит ли сил у рабочих полков?
Улиц булыжник
В крови нашей весь.
И затухает горячая песнь.
Но не погаснет она никогда.
Будет рука трудовая
Тверда.
Полю родному
Ведь только она
Доли иной принесет семена.
Сбросим оковы!
Не вечны они...
«Крепче, родная, меня обними!..»

В книге бессмертья
Пылают слова:
«Зверски избита
И чудом жива...»,
«Зверски замучен...»,
«Убита была...»,
«Пал от жандармов...»,
«В тюрьме умерла...»,
«Был осужден на пожизненный
срок.
После сражался.
Латышский стрелок,
Храбрый участник гражданской
войны.
Жизни дальнейшей
Следы не видны...»
Песня бессмертья

Пылает в огне,
В пламенной просьбе
К тебе и ко мне:
«Вы посадите для нас деревца.
В них вы увидите нас до конца —
До парусов напряженных листвы,
До бесконечных глубин синевы».

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Здесь скромен мудрец и провидец
Любой.
Здесь громкие
Никнут слова.
Великих раздумий
Великая боль
Для честного сердца жива.
Устами Толстого
Сказали века,
И слышит земля до сих пор:
— Дорога труда
Будет так широка,
Как весь
поднебесный
простор!..
Здесь так величава
Спокойная высь!
И видно вблизи и вдали,
Как мощно восходит
Народная мысль —
Великая
сила
земли.

**Перевел с латышского
Артур КОРНЕЕВ.**

СКАЗКИ НАТАШИ АБРАМЦЕВОЙ

тей, чувствуешь, как выросло, окрепло дарование, как расширились самые горизонты этой особенной сказочной судьбы, как углубился и упрочился нравственный смысл негромких, волшебных эссе. Она пишет коротко, лаконично, очень сдержанно и, кажется, совсем «просто» — избегая и словесного да и сюжетного изыска. Ей дано отыскивать чудесное в обыденном. И она заставляет вас видеть и слышать эти «простые» чудеса так же зорко и внимательно, заинтересованно, как видит и слышит сама. Хотя, кажется, ну что нового увидишь в своей комнате, она небольшая, в своем окне, выходит оно в обычный московский двор, да и не очень-то к нему дотянешься с постели... Впрочем, стоп! Наташа, чья стойкость сродни стойкости Корчагина, не допускает разговора о болезнях вообще... И все ее сказочные герои недаром же так деятельны и неутомимы, так редкостно жизнерадостны. Главное же качество самой юной писательницы — душевность, умение Наташи понимать того, кто (или что) оказался вдруг с ней рядом, и, конечно же, поделиться сразу этим знанием с нами, читателями.

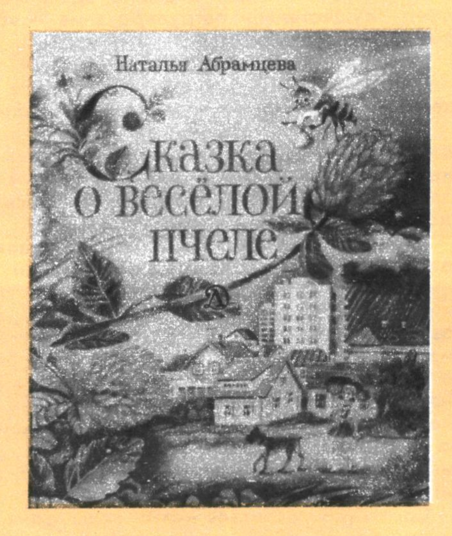
Наташе известно, например, «Отчего бывает весело». Именно так она и озаглавливает одну из своих лучших сказок — и кому же не захочется ее прочесть. Ведь так прекрасно быть веселым! Но этому нужно сначала научить себя, убедить себя и тогда подсказать столь же убедительно эту добрую и веселую мысль своим читателям. Наташа это делает с редкостной простотой. Не случайно даже в названиях многих Наташиных рассказов о чудесном уже заранее подчеркивается мысль о доступной всем нам прелести этих «простых» чудес.

«Очень простая сказка»... «Просто хороший вечер»... «Просто взрослая кошка» и так далее. Но это всегда особая простота, полная внутреннего значения... А еще юная сказочница любит заранее определить самый настрой разговора с читателем. «Сказка о задумчивом воробье», «Волшебная сказка», «Сказка о старых сахарницах», «Шелковая сказка»... Да всего и не перечислишь!..

Только что вышла в свет яркая, радостно оформленная книга Н. Абрамцевой «Сказка о веселой пчеле». Но даже солидный тираж — сто тысяч экземпляров — оказался мизерным: книжка разошлась мгновенно. И вряд ли увидят ее Наташины верные друзья — дети далекой периферии, откуда приходят их письма, добрые, полные благодарности. Впрочем, точно так же пишут ей и люди взрослые, чувствующие высокий нравственно-гуманистический смысл, доверчивость и доброту Наташиного творчества, ту его особую правдивость, где неразрывно объединены фантазия, мечта и действительность.

Облик писательницы — облик, скажем прямо, редкостно незаурядный, он непрост, как сама ее судьба. Он, этот облик, определился полностью, но знают ли Наташу в Союзе писателей?.. Пока еще нет, как ни странно... А ведь этому таланту, как и ее здоровью, нужны внимание, забота и поддержка, помощь...

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

среди книг

Под небом НИКАРАГУА

См. стр. 8.

— Вы знаете, мы никак не думали, что так скоро соберем нужную сумму, когда объявили о сборе средств,— сказал их руководитель.— Но люди с готовностью откликнулись. Правда, нам пришлось закупать машины в Японии — рейгановское эмбарго действует, но машины хорошие. Приезжайте сегодня в три часа к министерству здравоохранения — мы будем передавать их никарагуанцам.

Милые, симпатичные старики. Они и сейчас остались верными себе. Встречал я и юных американских школьниц, и шведок, приехавших собирать кофе, и перуанских юношей и девушек, прибывших сюда с той же целью. Конечно, может быть, с экономической точки зрения их вклад будет не так уж заметен. Но чувство солидарности, поддержка в трудную минуту — это то, что не измеряется никакими мерками, и этому нет цены.

ГОСПИТАЛЬ В ЧИНАНДЕГЕ

Советский госпиталь расположен на окраине города Чинандега. У входа ждут приема посетители. У многих ребятишки на руках. Подавляющему большинству местных жителей медицинская помощь была раньше совершенно недоступна. И очень дорого было, и врачей не хватало. Советский госпиталь со времени своего основания приобрел в округе большую известность. Даже из Манагуа приезжают сюда на прием.

— Да, больных здесь много и болезни часто очень запущенные,— говорит начальник госпиталя Феликс Николаевич Кушнирев.— Ведь многие и врача-то впервые здесь увидели. Сейчас еще ничего, построили два вот этих корпуса, а раньше в палатках работали, без кондиционеров при такой жаре.

— А сколько народа к вам приходит?

— Ну, судите сами. В помещениях сто мест, в палатках еще осталось тридцать. Советского персонала около тридцати человек, а начиная с 1982 года, когда начал функционировать госпиталь, мы приняли на 19 сентября прошлого года — мы тогда сделали подсчет — 200 тысяч человек.

— 212 762,— уточняет заместитель начальника Виталий Федорович Ващенко.— Одних хирургических операций было сделано 6720.

— А бойцов-сандинистов много было?

— Да немало. Вот и сейчас лежат четверо подорвавшихся на американской мине, подложенной сомосовцами. Хотите побеседовать?

Мы прошли в палату. На койке лежал молодой, с темными усиками и подстриженный ежиком офицер. Вставая, он поморщился от боли.

— Хосе Венито Лопес,— ответил он на вопрос, как его зовут.— Мина была противопехотная, шариковая, натяжного действия. Мы, шесть человек, ехали в джипе здесь неподалеку, осуществляли патрулирование и вот нарвались. Двое убиты, а мы вот уцелели.

— Видели бы вы их, когда они к нам поступили. Все были изрешечены насквозь. Не знаю, как и выжили,— говорит Феликс Николаевич.

— А сами вы откуда? — спрашиваю я офицера. Тот молчит, не называет. И я понимаю — нельзя, запрещено. «Контрас» могут выместить злобу на его семье, которая осталась там, дома.

Вместе с нашими медиками пообедали, поели очень вкусного борща и закусили местными бананами, а потом начались расспросы, как там дома. Пришлось выступить и рассказать, «как там дома». Ведь я самый «свежий» из Союза. Спрашивали и о погоде, и о борьбе с алкоголизмом, и о том, что есть в магазинах, и о делах больших, государственных — как идет перестройка нашей жизни и, конечно, о XXVII съезде КПСС. Я хорошо это знаю: находясь долго на чужбине, постоянно думаешь о своем родном доме.

Советский госпиталь — это лишь одна и не очень большая частичка нашего сотрудничества и нашей помощи революционной Никарагуа. В порту Коринто мы видели разгружающийся теплоход «Петродворец», доставивший запасные части к автомашинам и тракторам «Беларусь», работающим на никарагуанских полях, а также муку и другое продовольствие. Редко бывает, чтобы у причала не стояло какое-либо советское судно. Советские специалисты обучают здесь в учебном центре местных жителей различным профессиям. Сотрудничество осуществляется самое широкое и многоплановое. Расширяется сотрудничество Никарагуа и с другими социалистическими странами, в частности с Кубой.

Американская пропаганда пытается изобразить это сотрудничество как «проникновение» социалистических стран в Никарагуа. Но на это однажды четко и определенно ответил министр внутренних дел республики Томас Борхе одному из иностранных журналистов: «Если вы видите здесь советского гражданина, то это наверняка первоклассный специалист. Если вы видите здесь кубинца, то это врач или учитель, который не побоялся поехать в джунгли, чтобы принимать сотню больных в день или учить в школе по 16 часов в день. Те, кто говорит о советском или кубинском вмешательстве, думают, что мы забыли, что во времена режима Сомосы и задолго до него высшей властью здесь был американский посол. Это действительно было вмешательством, которого больше не будет».

...Я много встречался с людьми совершенно разного общественного положения в Никарагуа, людьми с разным образованием, различными взглядами на все ныне происходящее в стране. Но все они говорили по крайней мере об одном: революция — это свобода. Революция — это будущее страны. Революция дала надежду миллионам трудящихся республики.

Вспоминаю встречу со старой крестьянкой в поселке Сан-Карлос километрах в пятидесяти к югу от Манагуа, где происходил грандиозный митинг по случаю провозглашения дальнейшего этапа аграрной реформы. Тысячи людей собрались на главной площади этого поселка. Перед ними находились все члены правительства во главе с президентом республики Даниэлем Ортегой. Нужно было слышать выступления этих крестьян, требовавших наконец ограничить размеры земельных владений и передать земли, не обрабатываемые их владельцами, в руки тех, кто их будет обрабатывать.

Когда Даниэль Ортега провозгласил новый закон о земельной реформе и крестьянам стали раздавать грамоты на владение землей, раздался гром аплодисментов. Рядом со мной на небольшой скамеечке стояла старая женщина, седая, с провалившимся, беззубым ртом и радостными, сияющими глазами. Она все время что-то пыталась выкрикивать и показывала пальцем на небо.

— Есть все-таки правда на земле, и бог услышал наши моленья,— бормотала она.— Теперь и у нас будет своя земля,— перевел мне сосед ее слова. Ее звали Мария Гонзалес, ей восемьдесят шесть лет. Ни она, ни ее дети и даже внуки не имели своей земли и батрачили на местного латифундиста.

— Теперь стало жить лучше, спокойней, а землю получим — будет еще лучше. Вы ведь, наверное, не знаете, что такое для крестьянина не иметь своей земли.

Знать-то я знал, но, конечно, не на своей шкуре — слишком далеко от нас те времена.

Между тем крестьяне продолжали получать грамоты на землю буквально из рук новой власти, а вместе с ними и автоматы для защиты этой своей теперь земли.

Впереди сидели два субъекта, явно не никарагуанского вида. Они вполголоса перебрасывались между собой на английском и изредка замолкали, прислушиваясь, о чем мы говорим. Потом не выдержали и спросили:

— Вы из России?

— Да, из Советского Союза.

— Давно здесь?

— Нет, недавно и послезавтра уже домой.

— Ну и как вам понравилось здесь?

— Многое понравилось, а многое нет. Понравился энтузиазм никарагуанцев, их решимость противостоять агрессии. Не понравилось ничем не оправданное вмешательство со стороны США и поддержка ими контрреволюционных банд. Так же как и в Кампучии, и в Афганистане.

— Ну что ж, вы поддерживаете своих друзей, мы своих.

— Верно. Но древние были правы, когда говорили: скажи, кто твой друг...

Позднее узнал, что оба джентльмена были из Гарвардского университета из числа так называемых советологов. Один из них был родом из Одессы.

* * *

По свидетельству американской печати, недавно в США Белый дом начал кампанию в конгрессе с тем, чтобы увеличить помощь «контрас» до 90—100 миллионов долларов. 60 миллионов из них намечено ассигновать на оказание прямой военной помощи бандам.

Конечно, я думаю, не такие уж простаки американские стратеги, чтобы ориентироваться только на этих «контрас». Внутри самой страны еще имеются влиятельные, оппозиционные революции силы, которые Вашингтон хотел бы активизировать всеми средствами. Оппозиционные партии действуют здесь на легальной основе. Они не скрывают своих настроений, не скрывают того, что являются политическими противниками Сандинистского фронта. От них, конечно, требуют соблюдения революционной законности и осуществления своей деятельности в определенных рамках. Но именно это требование вызывает бурю возмущения в Вашингтоне и неистовые вопли по поводу «ущемления прав человека в Никарагуа».

Существует серьезная оппозиция и со стороны высшей иерархии католической церкви — весьма влиятельной в этой католической стране. Противники революции имеются и среди частнопредпринимательского сектора, крупных латифундистов, еще сохранивших свои владения. Все эти политические оппоненты Сандинистского фронта ориентируются в своей деятельности и на отсталые слои населения, и в частности на какую-то часть крестьянства, которая в силу своей косности и укоренившихся привычек еще не в состоянии понять и принять то новое, что несет с собой сандинистская революция. Именно поэтому в отрядах «контрас», помимо насильно угнанных с территории Никарагуа в Гондурас, есть и такие, которые ушли к врагам революции сами.

Так что борьба идет трудная, затяжная, многоплановая. Совсем недавно в стране была выявлена целая сеть шпионских центров, руководимых Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов. Двадцать пять человек было арестовано, захвачено оружие американского производства. Опасность для страны, для народа, для революции далеко не миновала. Вашингтон неоднократно поднимал вопрос о возможности вооруженного вторжения США в Никарагуа. Он не снят с повестки дня до сих пор. Но Никарагуа — это не Гренада. Народ вооружен. Нет сомнения, что подавляющее большинство населения грудью встанет на защиту своей свободы и независимости. И думаю, что будущее юного Эрнесто, будущее сотен тысяч никарагуанских детей, будущее страны остается в надежных руках.

Манагуа — Москва.

Грамота на владение землей и оружие для ее защиты. * Пастухи — отличные наездники. * Улица в провинциальном городке Чинандега. * У памятника герою Никарагуа Фонсеке в Манагуа. * «Фиеста» — это праздник!

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Сборщица кофе в провинции Матагальпа. * Монумент в честь победы революции. * Дети могут спать спокойно. * Рыбак из порта Коринто.

Фото Ю. ПОПОВА

55

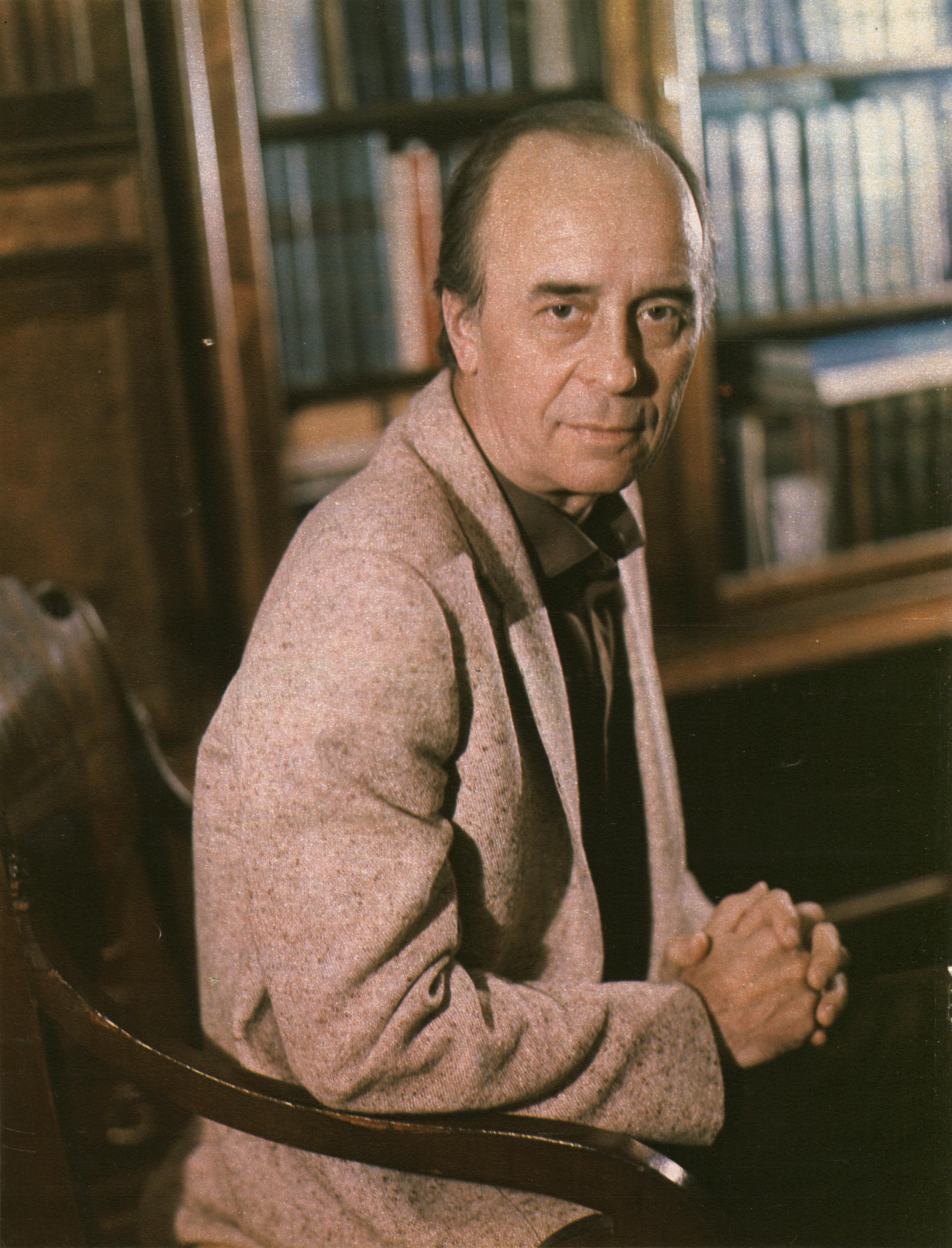

Масштаб личности

Уважение. Вот, пожалуй, первое чувство, которое возникает всякий раз, когда произносится имя этого человека — Олег Борисов. Его работы на театральной сцене и в кинематографе всегда были слишком серьезны, чтобы на Борисова могла родиться «мода». Он, слава богу, ее избежал. Он всегда был уважаем, но не был популярен у массового зрителя. Почему? Может быть, потому, что он никогда не искал славы. Словно нарочно выбирал в искусстве самые трудные пути. Ему были органически чужды любые формы актерского самовыдвижения. Он никогда не старался как-то особенно расположить к себе зрителей, снискать их любовь. Поэтому его жизнь в искусстве — особая жизнь; с ним в этом смысле трудно кого-то сравнить, трудно кого-то поставить рядом. Он действительно ни на кого не похож — и как актер, и как человек.

Его роли достаточно известны, о его работах прежних лет написано уже довольно много, поэтому мы не станем сегодня рассказывать о жизни Олега Борисова в театре и в кино так, как это делалось неоднократно. Гораздо интереснее, наверное, поразмышлять о том, что состоялось только что. Борисов еще раз подтвердил свою репутацию выдающегося мастера современной сцены, сыграв в Московском Художественном театре «Кроткую» Ф. М. Достоевского. Об этом спектакле — наш сегодняшний рассказ.

Давно, еще до экранизации «Подростка» (Борисов играл Версилова), было замечено, что актер прежде всего тяготеет к Достоевскому. Они как бы искали друг друга — театр Достоевского и Борисов. Это доказал его Ганя Иволгин, сыгранный в «Идиоте» (вторая редакция) в БДТ — мрачный, гордый, бесконечно одинокий человек. Это доказали его радиоспектакли по Достоевскому — «Неточка Незванова» и «Двойник»...

Когда же Олег Борисов сыграл Версилова, стало ясно, какой актерский уровень необходим, чтобы Достоевский звучал как Достоевский. Такие открытия свершаются не часто и не вдруг. Они подготавливаются исподволь, на совершенно другом материале, незаметно для всех, они создаются по крупицам изо дня в день и из года в год. «Все истинно великое совершается медленным, незаметным ростом»,— сказано у Сенеки. Актерская судьба Борисова подтвердила это. Он действительно думал о Достоевском всю свою жизнь на сцене театра и в кинематографе. Это ни для кого не было тайной. В газетных и телевизионных интервью он не раз говорил о том, что мечтает сыграть Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании». Но почему-то долго, очень долго получалось так, что режиссеры связывали с ним совсем иные репертуарные планы. Мечты оставались мечтами.

«Кроткую» выбрал не он, о «Кроткой» с Борисовым еще в Ленинграде впервые заговорил режиссер Лев Додин. Но даже сейчас, когда Борисов стал актером МХАТа, нельзя сказать, что работа над этим спектаклем завершена полностью и окончательно.

Сразу скажу: Борисов играет в «Кроткой» всего Достоевского. Великий писатель интересует Борисова и Додина не только как автор «Кроткой», но прежде всего как автор «Бесов», «Братьев Карамазовых», «Преступления и наказания».

Особенно «Преступления и наказания». Собственно говоря, именно этот вопрос — преступление и наказание — поставлен в «Кроткой». Герой Борисова постоянно, каждую минуту ведет (сам с собой) напряженнейший внутренний диалог, он мучает себя так, как Порфирий Петрович мучил Раскольникова. «Люди, любите друг друга,— саркастически выкрикивает герой «Кроткой»,— кто это сказал? чей это завет?» Впрочем, вопросы, которые он задает сам себе, большей частью неразрешимы, и Борисов меньше всего стремится к тому, чтобы внести в поведение своего героя абсолютную ясность. «Несмотря на кажущуюся последовательность речи,— писал Достоевский в предисловии к «Кроткой»,— он несколько раз противоречит себе, и в логике и в чувствах. Он и оправдывает себя, и обвиняет ее, и пускается в посторонние разъяснения: тут и грубость мысли и сердца, тут и глубокое чувство». Борисов принципиально верен Достоевскому. Его герой (у него нет имени и фамилии, этого человека зовут «Он», и Борисов так и играет через разрядку, подчеркивая собирательный характер образа) интересен прежде всего невозможностью своей окончательной разгадки, своими противоречиями. Так и ждешь, что «Он», подобно Великому инквизитору, провозгласит: «Знаешь ли ты, что пройдут века, и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные». Меня не покидало ощущение, что герой Борисова пытается это сказать, что эта мысль живет в нем. Между тем сам Борисов в финале спектакля делает все, чтобы зрительный зал понял: преступление это все равно преступление; можно оправдываться как угодно и сколько угодно, но человек не может избежать нравственного суда над самим собой.

Мысль о том, что ничто, никакая «субъективная правда» не может оправдать преступление, высказывалась Борисовым и раньше. Это была смелость — так сыграть инженера Гарина, как сыграл его Борисов,— гениально одаренным человеком. В его натуре было что-то сатанинское, ум и натура соответствовали друг другу и состояли в кровном родстве. Но Гарин в исполнении Борисова слишком игрок, чтобы стать подлинно великим человеком. Что может быть более нелепым, чем идея завоевать мир? Как мыслитель инженер Гарин это прекрасно сознает. Но ему важен, необходим для жизни сам процесс игры; азарт переходит в страсть, и нет такой силы, которая теперь могла бы его остановить. Когда Гарин брал в руки свой гиперболоид, с ним происходило что-то необъяснимое. Минуты его величия были минутами маниакального экстаза. Инстинкты окончательно подчиняли интеллект. Борисов показывал этот процесс почти физиологически: он корчился, кричал, он давал понять, что Гарин в эти минуты забывает обо всем на свете, может быть, даже теряет рассудок... А Версилов? Даже для самого себя Версилов всегда был полной неожиданностью. Борисов показывает, что Версилов мог променять все, что у него было, все, чем он богат, если вдруг предоставлялась возможность доставить себе какое-то совершенно новое, еще не изведанное им ощущение. Он давал любви дурачить себя, потому что в любовной игре испытывал высшее, ни с чем не сравнимое наслаждение жизни — страсть. Чем сложнее оказывалась ситуация, чем парадоксальнее складывалась игра, тем яростнее, нетерпимее становился он, пробираясь к намеченной цели. И терял тогда ощущение реальности...

«Он» в «Кроткой» так же неожиданен, как и все герои Олега Борисова последних лет. Перешагнув через сорокалетний рубеж, герой «Кроткой» пережил чудовищный духовный кризис. Самоубийство жены стало его трагической кульминацией. Но трагедия героя Борисова началась уже с того самого момента, когда в его жизни появился еще один человек. Жена. Есть люди, которые обречены жить одни. Есть профессии, которые предопределяют это одиночество. Скупой рыцарь в «Маленьких трагедиях» Пушкина не терпит рядом с собой никого, даже сына. От Плюшкина бегут все, даже крестьяне. «Он» в «Кроткой» — ростовщик. Мир, в котором живет этот герой, мир замкнутый. Появился новый человек — и эта оболочка разорвана. Воздух жизни заполняет холодные, мрачные стены. А зачем он нужен здесь, этот воздух? Что будет дальше? Впрочем, Борисов не собирается рассказывать историю о том, как духовно мертвый человек уже самим фактом своего существования убивает другого человека — свою кроткую молодую жену. Актер показывает трагедию человека, который не подпускает к себе других людей, гонит их от себя и рано или поздно сам становится жертвой собственных, непомерно высоких требований, предъявляемых человечеству, жертвой собственного максимализма. Герой Борисова не раскаивается, нет, он стремится понять, что же все-таки он сделал, почему погибла кроткая, не сознавая, что зло живет в нем самом.

Борисов достиг в «Кроткой» выдающегося уровня игры. Если говорить об актерском профессионализме, то работа Борисова в «Кроткой» является для нас сегодня эталоном мастерства. С приходом Борисова в Художественный театр в его творчестве начался новый период. Очевидно, самый интересный.

А. КАРАУЛОВ

Народный артист СССР Олег Борисов.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Музей главного теоретика

Ванда **БЕЛЕЦКАЯ**

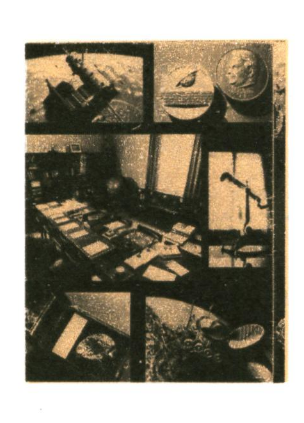
Мстислав Всеволодович Келдыш.

Фото Г. Копосова

«Думаю, вообще очень немногое может быть сравнимо с тем чувством, которое овладевает человеком, когда он сделал научное открытие... Это напоминает мне Грига. Он шел полем и услышал, как простая деревенская девушка поет песню на его мелодию. И он понял, что его музыка стала частью ее души... Его творение вошло в народную душу... Вот такая же радость овладевает и исследователем, когда он видит, что его открытие преобразует жизнь».

Эти слова принадлежат Мстиславу Всеволодовичу Келдышу, блестящему ученому современности, тому, кого называли Главным теоретиком космонавтики. Почти четверть века каждый день он подходил к небольшому особняку на Миусской площади столицы, где находится Институт прикладной математики АН СССР, основателем и бессменным директором которого он был с 1953 года. Поднимался в свой скромный рабочий кабинет. Теперь здесь открыт музей, но почти все осталось, как при жизни ученого. На письменном столе несколько рукописных страниц с чертежами и формулами. Буквально накануне смерти он размышлял над проектом космических солнечных станций и передачи их энергии на Землю. Фантастическим, дерзким проектом, опережающим время...

Каждая вещь в рабочем кабинете ученого не только страница его биографии, но и страница в истории развития советской науки. Глобус Луны, выполненный благодаря сведениям, доставленным советским «лунником» и «Зондом». Изящная модель лунохода, подаренная Мстиславу Всеволодовичу разработчиками. В создании этих космических аппаратов материализовалась мысль ученого.

В углу кабинета — небольшой телескоп. Мстислав Всеволодович наблюдал в него первый искусственный спутник Земли.

Рукописи научных работ, докладов, выступлений. В шкафах книги, которыми ученый пользовался, труды его учителей и учеников с уважительными дарственными надписями. Собственные новаторские исследования по авиации, математике, механике, освоению космического пространства, информатике. Во всех этих, казалось бы, разных областях науки проявился яркий талант академика Келдыша.

Книги на английском, немецком, французском, итальянском... Академик Келдыш свободно читал на этих языках. В ящике письменного стола по-прежнему лежит учебник испанского, словарь. В последнее время ученый всерьез занялся испанским...

Есть в музее экспонаты, которые появились в рабочем кабинете ученого после его смерти. Под стеклом выставлены ордена и медали трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий, высокие правительственные награды не только Советского Союза, но и других государств; мантии почетного доктора университетов — Лондонского, Делийского, Вроцлавского. М. В. Келдыш был членом многих академий и научных обществ мира. Тут же названный в честь ученого драгоценный минерал — келдышит, лунная карта с кратером Келдыш между цирками Атласа и Геркулеса...

В небольшой комнате перед кабинетом — скромная выставка фотографий, рассказывающих о жизни М. В. Келдыша. Их было нелегко собрать создателям музея: Мстислав Всеволодович не любил устремленных на него кино- и фотокамер. Мало осталось фото- и кинопленок, рассказывающих о нем, а те, что остались, бесценны.

Фотографии из семейного альбома, переданные в музей вдовой ученого Станиславой Валериановной Келдыш, его родными. Вот будущий ученый с родителями Всеволодом Михайловичем и Марией Александровной. Всеволод Михайлович по специальности инженер-строитель, его называли отцом русского железобетона. До революции он преподавал в Рижском политехническом институте и по стечению обстоятельств профессором был избран как раз в тот день, когда у него родился сын — Мстислав. Вот они оба, отец и сын-подросток, на Днепре, Всеволод Михайлович в то время консультировал строительство Днепрогэса, позже преподавал в Московской военно-инженерной академии, стал академиком архитектуры. Оба деда будущего ученого — Михаил Фомич Келдыш и Александр Николаевич Скворцов — сняты в полной форме генералов. Один был генерал-майор медицинской службы, другой — полный генерал от артиллерии.

Мстислав Келдыш — студент математического отделения МГУ. А эти фото запечатлели его во время модельных испытаний самолетов в ЦАГИ, в научной лаборатории, в цехе завода. И даже за штурвалом самолета. Было и такое в его жизни. Известный авиатор и ученый Марк Лазаревич Галлай вспоминал, как один из летчиков как-то сказал Мстиславу Всеволодовичу: «Тебе бы в летчики идти, у тебя здорово получается, что ты там у себя киснешь!»

С сереньких любительских фотографий смотрят такие знакомые теперь всем молодые Курчатов, Королев, Келдыш. Три «К» — так называли их товарищи. Они мечтали вместе создать летающий аппарат с атомным двигателем. Название готово, шутили друзья: «Три «К».

Ученый, организатор науки. Около пятнадцати лет М. В. Келдыш был президентом Академии наук страны. Мы видим его во время заседания Президиума академии, с коллегами-учеными, в Сибири, на Дальнем Востоке, где организовывались тогда академические центры, на пресс-конференциях, посвященных победам советской науки в космосе.

1961 год. Весенняя Москва рукоплещет Юрию Гагарину, первому космонавту планеты. И мало кто знал тогда, что в одной из машин сидел и тот, кого называли Главным теоретиком космонавтики, человек, причастный к этому подвигу. И вот они трое — Главный конструктор Сергей Павлович Королев, Мстислав Всеволодович Келдыш и счастливый, улыбающийся Юрий Гагарин...

...Кремлевский Дворец съездов. Георгиевский зал Кремля. Ученый-коммунист академик Келдыш был делегатом XXII—XXV съездов КПСС, избирался на них членом Центрального Комитета, был депутатом Верховного Совета СССР VI—IX созывов.

Те, кто принимал участие в создании музея и прежде всего доктора физико-математических наук Н. Н. Ченцов (директор на общественных началах) и В. А. Бродин, знали не только научные труды академика, но и его характер, восхищенно любили его. И это сказалось на подборе экспонатов.

Понимая, сколь важны для истории советской науки все штрихи жизни академика Келдыша, сотрудники и организаторы музея собирают рукописные воспоминания о нем коллег, друзей, родных. Этот уникальный материал еще ждет публикации. Так же, как многие работы ученого, его мысль всегда опережала время...

Раскрываю наугад толстый том в зеленом переплете изданных недавно «Избранных трудов» М. В. Келдыша «Общие вопросы развития науки». Читаю:

«Ученые яснее представителей других профессий видят те гигантские возможности для расцвета материальной и духовной жизни людей, которые заложены в новейших открытиях в области физики, химии, биологии, математики, радиоэлектроники, механики и других отраслей человеческого знания. Вместе с тем не является секретом, что именно ученые создали современное ядерное оружие, баллистические ракеты, подводные лодки и другие средства войны.

Ученые более ясно, более полно, чем даже профессиональные военные, могут представить себе все ужасы ракетно-ядерной войны. Мы знаем не только силу боевой техники, принятой на вооружение, но лучше других можем оценить этот гигантский потенциал смерти и разрушения, которым будут обладать новые средства войны, подготовляемые в лабораториях...

Зная в вопросе о ракетно-ядерной войне больше, чем другие люди на Земле, ученые всех стран должны сделать все, чтобы поднять народы на борьбу против войны, быть в первых рядах тех, кто борется за разрешение проблемы разоружения, за запрещение на вечные времена всех видов оружия массового уничтожения...

Мне вспоминаются в этой связи слова, вложенные великим немецким драматургом Брехтом в уста героя своего произведения «Галилео Галилей»: «...Если ученый не будет осознавать свою ответственность перед обществом, то настанет день, когда на очередное новое научное открытие человечество откликнется воплем ужаса».

Под этим страстным выступлением М. В. Келдыша дата — 1962 год. Хочется воскликнуть: «Не может быть!» Ученый сказал это сейчас, сегодня, когда кое-кто не хочет внять голосу разума и грозит человечеству ужасом «звездной войны».

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ (ВПК) [1]

«Стенограмма совещания экспертов по вопросам внешнеполитического планирования, представляющих «Дигон продактс» (м-р Лейб), «Стандард ойл оф Нью-Джерси» (м-р Бим), «Дженерал электрик» (м-р Перл), «Вестингауз электрик корпорейшн» (м-р Гилпорг), «Интернэшнл бизнес мэшинз корпорейшн» (м-р Шварценберг), «Анаконда компани» (м-р Пагирри), «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» (м-р Оливер), «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» (м-р Грюн), «Боинг корпорейшн» (м-р Полякофф), «Фёрст нэшнл сити бэнк» (м-р Болдуин).

Вел встречу директор адвокатской фирмы «Саливэн энд Кромуэлл» м-р А. Даллес.

М-р Даллес.— Джентльмены, я рад, что мы собрались наконец в таком тесном, воистину дружеском кругу. Полагаю, это подвигнет всех нас на то, чтобы обменяться мнениями по поводу происходящих в мире процессов со всей полнотой и откровенностью. Думается, нет нужды стенографировать наше собеседование. Хочу надеяться: вы поймете меня правильно, если скажу, что пометки всякого рода, как и запись отдельных фрагментов выступлений присутствующими нежелательна; нет надежнее партнера, чем немой, нет более пылкой возлюбленной, чем слепая, нет более стойкого узника, чем глухой, ибо ему не страшен крик палача... Пожалуйста, джентльмены.

М-р Грюн (ИТТ).— Прежде всего я хотел бы остановиться на германской проблеме. Тот взнос, который сделала наша страна для победы над гитлеровским нацизмом, не поддается измерению. Благодарные потомки когда-нибудь еще воздвигнут памятники американским солдатам, принесшим свободу Европе, спасшим ее от чудовищных монстров, правивших в течение двенадцати лет несчастной Германией. Кара, понесенная преступниками, вполне заслуженна, она звучит как предостережение тем, кто вновь решится стать на путь агрессии и милитаризма. Однако справедливости ради следует отметить, что кара обрушилась не только на таких чудовищ, как Геринг, Риббентроп и Штрейхер, но и на людей, которые — если исследовать вопрос без гнева и пристрастия — не принимали никакого личного участия в планировании и развязывании агрессии. Разгромлены основные центры традиционного германского бизнеса, такие, как Рур, Кёльн, Зальцгиттер, Мюнхен, Констанц. Вновь организующиеся компании пытаются сохранить и хоть как-то спасти традицию германского бизнеса, но, согласитесь, это крайне трудная задача, поскольку в Нюрнберге по-прежнему томится в тюрьме Фридрих Флик, арестованный по явно подтасованному обвинению в том, что якобы на его заводах использовался рабский труд... Честно говоря, мы так же использовали на своих военных заводах немецких пленных, и я не вижу в этом ничего противозаконного: война есть война, не сливками же мне поить тех, кто сражался против меня с оружием в руках! Я поэтому спрашиваю: с кем мы можем иметь дело в западных зонах оккупации Германии, если все те люди, которые отличимы высокой компетентностью и знанием приводных ремней бизнеса, ныне томятся в тюрьмах?! Кому это на пользу? Холодной букве закона, специально составленного для нюрнбергских трибуналов? Но позвольте, когда и где миру приносил благо специально созданный закон?! Но и это не все, джентльмены... Если в залах судов в присутствии зрителей и прессы, которая, увы, весьма разностна и исповедует порою диаметральные точки зрения, то и дело говорят об «агрессивности капитала», о «злодействе германских промышленников, подвергавших зверской эксплуатации иностранных рабочих», то это наносит удар по всей системе частного предпринимательства! И проводят суды не только русские, но и наши, американские, судьи и прокуроры! Неужели мы не можем оказать соответствующее давление на тот процесс, который воистину тревожен?

М-р Бим («Стандард ойл оф Нью-Джерси»).— Я бы продолжил мистера Грюна в том смысле, что процессы, происходящие ныне в Нюрнберге, расшатывают самое идею западной демократии и свободы предпринимательства. Более того, их продолжение окажется тем бумерангом, который ударит против нас, против этой страны, и ударит лет через пять, когда западные зоны в отличие от русской окажутся экономической пустыней. Мы лишимся партнера, и какого партнера! Понизятся ставки на биржах, сократится нужда в промышленных товарах, возрастет безработица, нас настигнет инфляция... Я вижу будущее в крайне пессимистическом свете, и если мы не сможем повлиять на администрацию в том смысле, чтобы эти процессы прекратились, могут наступить весьма мрачные времена. До начала войны объем нашего бизнеса с Германией — я имею в виду начало тридцатых годов, до тридцать шестого,— составлял примерно двенадцатую часть нашего бюджета. Это были заказы на сотни миллионов долларов, это десятки тысяч наших рабочих имели работу и получали высокую плату за свой труд. Это позволяло финансировать новые проекты, это в конечном счете означало технический прогресс и расцвет страны. Если положение не изменится, а точнее говоря, если не изменим положение мы, несущие главную ответственность за процветание общества, я не знаю, что нас будет ждать...

М-р Полякофф («Боинг корпорейшн»).— Происходящее ныне в Европе, которая традиционно была нашим ведущим партнером в серьезном бизнесе, невероятно благоприятно, пря-мо-таки совершенно великолепно для Кремля. Администрация словно бы нанялась таскать каштаны из огня для дяди Джо, который получает немыслимые дивиденды как экономические, так и пропагандистские. Мне кажется, что истерия с так называемыми процессами по декартелизации и денацификации задумана и осуществляется всеми теми, с кем столь либерально, по-отечески беседуют обходительные джентльмены из комиссии сенатора Маккарти. В происходящем я вижу больше, чем доверчивое американское неразумение, я вижу в этом заговор тех сил, которые организованы, натренированы и управляемы Москвой. Как иначе объяснить то, что мы до сих пор не смогли при всем желании и при всех предпринятых попытках спасти от позора таких надежнейших партнеров, как мистер Шредер, руководители «Фарбениндустри», семья Даймлер и Сименс?! Я рад, что мистер Даллес оказался тем, кто объединил нас всех сегодня. Думаю, мы выработаем позицию на будущее, иначе не было смысла собираться, в конгрессе джентльмены умеют говорить лучше нас с вами, за то они и получают деньги. Мы же умеем делать дело, вот и займемся этим.

М-р Пагирри («Анаконда компани»).— Поскольку наше предприятие более всего тревожится по поводу ситуации, складывающейся в Латинской Америке, позволю себе остановиться на том чрезвычайно пагубном влиянии, которое оказывает на Чили, Бразилию, Парагвай, Колумбию, практически на весь юг континента то, что происходит в Германии. Левые элементы, возглавляемые большевистскими элементами, используют свою прессу для того, чтобы организовывать форменную травлю «империалистов, слуг гитлеризма, банковских воротил и промышленных кровососов, жиреющих на рабском труде несчастных»! Причем это дается со ссылкой не на Москву, но на «Нью-Йорк таймс» и «Балтимор сан»! Пропаганда коммунистов идентифицирует немецких предпринимателей с американскими. Приводятся примеры «грабежа, которым постоянно подвергают нас янки». То и дело публикуются интервью с профсоюзными лидерами типа колумбийского Гайтана, который обвиняет «империализм янки в эксплуатации и насилии», подтверждая свою правоту ссылками на то, что подобное же делали немецкие «фюреры экономики», не ведая даже, что в Германии был только один фюрер!

М-р Даллес («Салливэн энд Кромуэлл»).— «Фюреров военной промышленности» в рейхе было четыреста семьдесят два, мистер Пагирри, прошу простить, что я перебил вас, продолжайте, пожалуйста, ваше выступление чрезвычайно интересно.

М-р Пагирри.— Если их было полтысячи, значит, тем более надо сделать все, чтобы об этом поскорее забыли! Нельзя танцевать на кошмарной могильной плите, которой завалили Германию! Ее надо заменить на ажурное надгробие, плита мешает делу, она мешает нам с вами. Если мы не повлияем на происходящий в Германии процесс, если мы не подключим ту прессу, которой можем управлять, к тому, чтобы звать мир к забвению ужаса, к сораз-мышлению над тем, как сделать будущее счастливым и мирным, если мы не начнем немедленно же финансировать университеты для того, чтобы они включили в свои планы иссле-

[1] ВПК — Военно-промышленный комплекс США.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—7.

дования, которые докажут людям, что человечество не может развиваться, когда к его ногам привязаны страшные гири зловещей памяти о безвозвратно ушедшем, тогда ситуация в Латинской Америке станет совершенно неуправляемой и мы потеряем там все те позиции, которые были завоеваны в течение многих десятилетий ценою потерь и лишений.

М-р Оливер («Юнайтед Стейтс стил корпорейшн»).— Я посетил Берлин два месяца назад. Я летал, чтобы попробовать помочь расчистить руины и начать восстанавливать заводы. Прихожу в наш военный комиссариат: «Что дома, как Трумэн, где Менжу, правда ли, что Дина Дурбин будет сниматься в ленте Страйдса?» И все такое прочее. Ладно. Ответил им, что правда, а что брехня. Потом говорю: «А как бы мне встретиться с теми, кто намерен заняться строительством?» «Это устроим, не фокус». Приглашают живчика, лет двадцать пять, рубашка несвежая, шейка, как у цыпленка. «Я Фриц Грове, «Строительные комплексы и производство станков для металлургии». «Ну?! Раньше этим занимались Крупп или Геш, их я знаю». «Они были нацистами, мы их вздернем». «Да? И скоро?» «Скоро». «Значит, вы теперь будете иметь со мной дело?» «Конечно, я поддерживал фельдмаршала Вицлебена, прошел подполье, теперь служу новой Германии». «Это прекрасно, что вы служите новой Германии. Каков ваш капитал?» «Он будет зависеть от вашего кредита. Зато у меня есть рабочие руки». «Сейчас любой может набрать рабочих, они за свиную тушенку по десять часов готовы работать». «Мы не допустим эксплуатации, новое время!» Вот так. Я его угостил чаем, подарил две пачки сигарет, и на этом мое деловое сотрудничество с компанией «Строительные комплексы» завершилось. Может, нам лучше финансировать наших фермеров, чтобы они поставили в Германию побольше картошки? Хороший бизнес, картошка сейчас в Европе большой дефицит, заработаем по паре сотен тысяч, их всегда недостает в наших миллиардных оборотах... Что делать, я не знаю, но что-то делать нужно. Вот так. Только сейчас важно не собачиться между собой. Я в этикете слаб, не сердитесь. Говорю, что думаю.

М-р Шварценберг («Интернэшнл бизнес мэшинз»).— Я до сих пор не очень-то понял, пусть простят меня коллеги, во имя чего мы собрались? Если мы решили поплакаться друг другу, то это следовало бы делать в ресторане, слезы надо запивать вином: не так солоно во рту. Если мы констатируем факты, то зачем лишний раз сотрясать воздух? Ситуация очевидна, контуры ее понятны, вероятия просчитаны, какие-то прикидки сделаны впрок. Каждым из нас. Говоря откровенно, только чудо может повернуть мое «ИБМ» лицом к Германии. Только чудо. Это пустыня, на которой растут грибковые паразиты. Впрочем, пусть меня опровергнет мистер Лейб из «Дигон продактс» и мистер Грюн из «ИТТ»: по нашим сведениям, коллеги из этих корпораций уже застолбились в Германии. И слава богу! Я отнюдь не против конкуренции, без нее общество гниет на корню, но я за откровенность, к которой всех нас призывал мой друг Аллен.

М-р Грюн («ИТТ»).— Мистер Шварценберг, это натяжка... Мы не поддерживали деловых контактов с наци...

М-р Шварценберг.— Я же не против, мистер Грюн... Речь идет о другом...

М-р Даллес.— Джентльмены, я позволю себе внести коррективу: посещение мистером Дигоном Германии еще не означает начала его деловой активности в Европе. Что же касается «ИТТ», то это сообщество действительно поддерживало контакты с врагом, но я свидетельствую, что происходило это по просьбе специальных служб, полковник Бэн был награжден за это медалью, Америка зря никого не награждает: при всех наших недостатках давайте согласимся с тем, что это наше достоинство — абсолютно... Простите меня, мистер Шварценберг...

М-р Шварценберг.— Трудности, которые переживают «ИТТ» и «Дигон» в Германии, совершенно кардинальным образом разнятся от тех, с которыми сталкиваемся мы. Их трудности состоят в том, что у них нет достаточно компетентных контрагентов, приходится работать на ощупь, в темноте, партнеры пока что сидят в Нюрнберге. Но и у «ИТТ», и у «Дигона» там появились свои активы. Это позволяет коллегам давить на администрацию и на военных. А у нас там нет активов. Мы сделали все, что могли, дабы убедить уважаемых джентльменов из наших ВВС не бомбить те заводы вычислительной техники, которые могут представлять для нас интерес в будущем. Мы спасли эти заводы, но они были отданы в Ялте вместе с территорией дядюшке Джо. Гитлер не очень-то интересовался вычислительной техникой, поэтому среди директоров нашей отрасли не было «фюреров военной экономики». Никто не посажен, но все ждут. Только не нас, джентльмены. Они ждут ослабленной Британии. Или же нищей победительницы Франции. Они очень ждут предложений, но, повторяю, не наших. Мы конкуренты, которых боятся...

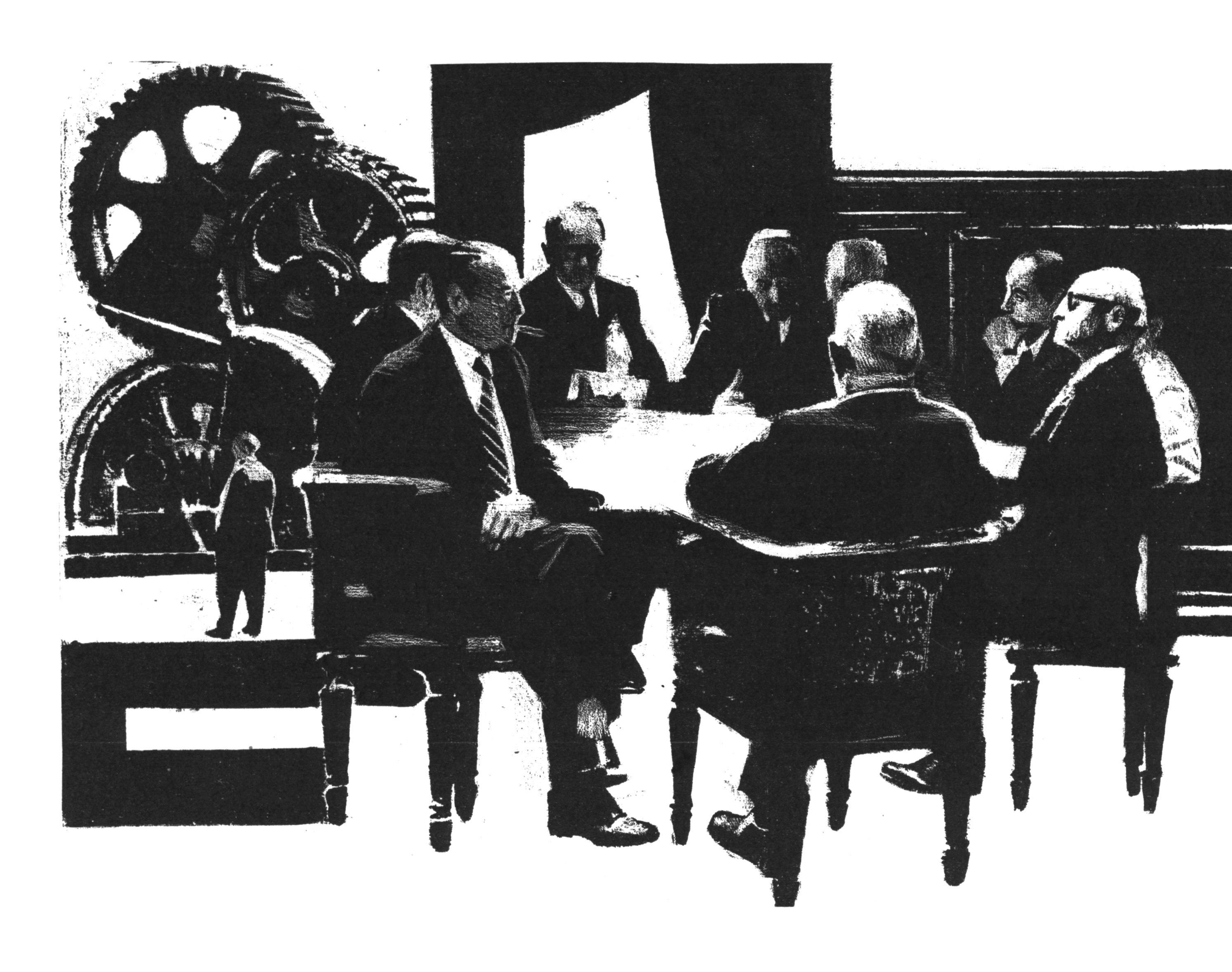
М-р Перл («Дженерал электрик»).— В общем, присоединяюсь к мнению, высказанному м-ром Шварценбергом.

М-р Лейб («Дигон продактс»).— Отвечу нашему другу Шварценбергу... В его словах традиционного католика я с удивлением услыхал какой-то плач Израилев, более присущий людям моего вероисповедания... Обвинять Дигона или полковника Бэна в том, что они както зацепились в Германии, стараясь действительно в потемках нащупать дорогу и понять ситуацию в стране, где царит полнейший хаос, это на самом-то деле значит обвинять свое предприятие в неумении работать. Если у вас не вышло, зачем же сваливать вину на тех, у кого выходит? Это дезинформация, дорогой Шварценберг, вы дезинформируете свой наблюдательный совет, вместо того чтобы разработать для него проекты, которые необходимо осуществить в интересах и наших пайщиков, и общего дела свободного предпринимательства. Простите за резкость, но, поскольку мы решили говорить друг другу правду, я не мог ее не сказать. Теперь я позволю себе небольшой экскурс в прошлое... В девятьсот четвертом году мои родители приехали в эту страну из Одессы. Богатых евреев там не трогали, во время погрома они отсиделись в купеческом собрании, наблюдая за шествием черной сотни из итальянских окон особняка вместе со своими русскими, немецкими и украинскими коллегами. А нас громили, ух как громили, даже сейчас помню крики и пух на улицах; они резали подушки, пуховые подушки — главное богатство еврейской бедноты. Здесь нам повезло, отец работал в порту докером, а меня пристроили в бакалею к Айзику Айзу, в Одессе он был Ицкой Айсманом, хороший человек, бездетный, поэтому и взял меня. Так вот, когда я подрос и стал работать у кассы — мне тогда было четырнадцать,— я путался с монетами, они же лежали в одном ящике, пойди отыщи нужную, а ведь покупатель торопится, если я буду копаться, он станет ходить в лавку напротив, где его быстрее обслужат, и он сэкономит для своего бизнеса пару минут, а это уже деньги, согласитесь! И тогда Айзик Айз, вечная ему память, урезал мой заработок, зато купил новый кассовый аппарат, выпускавшийся фирмой «Вестингауз». И в этом аппарате для монеты каждого достоинства было свое отделение. Мне стало легко работать, я быстро доставал нужную монету, обслуживал покупателей, как метеор, дела наши пошли отменно, и вскорости я вошел к Айзику в пай... Так вот, эта грустная ретроспектива должна заставить нас подумать: а не напоминают ли нам эту древнюю кассу те службы, которые обязаны информировать администрацию и бизнес о том, что происходит в мире, где все монеты свалены в одно отделение?! Причем хозяин не очень-то позволяет копаться в этих самых монетах, чтобы поскорее отыскать нужную для сдачи. А ведь сдача — это начало нового бизнеса! Отданную тобою монету вкладывают в новое дело, растет конкуренция, шевелятся мозги, ширится оборот, богатеет государство... Вывод: стране необходим компетентный разведывательный орган, который бы работал не на войну, как это было с УСС, но на день сегодняшний, который пока что можно обозначить как день мирный. Не сваленная в кучу информация о положении в Германии, Италии, Китае, Латинской Америке, Греции, Ближнем Востоке, но именно раскассированная по интересам, и не под разными крышами — государственного департамента, Пентагона, ВВС, флота,— но именно под одной. Надежной.

М-р Болдуин («Фёрст нэшнл сити бэнк»).— Меня удовлетворило выступление мистера Лейба. Оно конструктивно. В нем нет патетики, которая мешает серьезному собеседованию. Слов нет, положение в Германии, и как следствие нашей победы над гитлеризмом — да простится мне некая кощунственность, заложенная в этом противопоставлении,— в странах Латинской Америки, не говоря уже о Греции, где идет гражданская война, и Китае, где она вот-вот разразится, несмотря на успокоительные реляции, которыми нас время от времени подкармливает государственный департамент, чрезвычайно серьезно. Мне хочется повертеть проблему, о которой здесь говорилось несколько шире тех границ, которые были очерчены. Давайте оставим вопрос: в какой мере бескомпромиссная позиция покойного президента Рузвельта по отношению к имперским колониям Британии была угодна развитию? С одной стороны, бесспорно, угодна, потому что страны, где царствует рабство, являя собой довольно серьезный источник сырья, не могли быть рынком сбыта. А динамизм роста выпуска продукции в нашей стране неумолимо растет. Значит, мы должны быть благодарны покойному президенту за то, что он загнал Черчилля в угол и утихомирил его имперские амбиции? Но готовы ли мы к диалогу с теми лидерами в Азии, Африке, Индии и в тех странах юга Америки, где было традиционным британское влияние? Увы, нет. Мы оказались к этому неподготовленными, в то время как Кремлю не надо было готовиться: он просто издал новым тиражом труды Ленина, посвященные так называемому колониальному вопросу и национально-освободительному движению. Давайте признаемся: первый раунд борьбы за новое качество послевоенного мира мы проиграли. Мы проиграли его именно в идейном плане, у нас не было доктрины, чтобы заполнить пустоту, вызванную предстоящим уходом из колоний Британии, да и Франции тоже... Вопрос теперь стоит так: сможем ли мы наверстать упущенное? Сможем ли мы противопоставить марксистской идее свою технику и деньги? Да, сможем. Но пустят ли нас туда? Ведь право пустить или не пустить принадлежит новым лидерам вновь открывшихся стран, а то и континентов. Наши послы мало подготовлены для такого рода работы с этими новыми лидерами. Нам нужны новые кадры. Компетентные, смелые, понимающие смысл нового времени, не утонувшие в трясине довоенных догм и представлений! С тем, что было до эпохи Гитлера, покончено раз и навсегда. Нам нужна доктрина действия, подтвержденная немедленным, смелым и мобильным действием, только тогда мы не дадим этой стране впасть в анархию и депрессию.

М-р Даллес.— Как вы понимаете, я не имею права выдвигать предложение о создании единого разведывательного сообщества, которое бы умело работать с новыми лидерами в новых условиях и не боялось бы действия, и могло достойно стоять на страже интересов мира и демократии на планете, ибо каждый волен бросить в меня камень: «Кто о чем, а грязный — о турецкой бане». Я весьма рад, что именно вы, представляющие наши финансы и бизнес, то есть люди, несущие ответственность за благополучие всех граждан Штатов, поставили вопрос о необходимости свести разведку, как удачно выразился мистер Лейб, под одну крышу. Полагаю, что те органы прессы, на которые можно оказать разумное влияние, так или иначе поддержат такого рода идею, высказанную, понятно, не в лоб, но опосредованно.

Теперь ряд замечаний по поводу того, что высказал наш друг Шварценберг... Во многом я согласен с вами, мистер Шварценберг, но кое-что считаю необходимым скорректировать... Во-первых, немецкие картели после того, как они были раскассированы, стали менее конкурентоспособными и, следовательно, более управляемыми. Во-вторых, суды над нацистскими пособниками абсолютно необходимы не только для того, чтобы осудить гитлеризм как самое гнусное явление середины двадцатого века, но, если хотите, и для того, чтобы осадить динамическую устремленность немецкого капитала и бизнеса, поставив их на ближайшее обозримое будущее в подчиненное по отношению к нам положение. Вопрос, который должен быть поставлен перед новым разведывательным сообществом, таким образом, должен быть сформулирован грубо и просто, что называется, без затей: куда вы можете вкладывать средства, в каком объеме,

на какой срок; степень гарантии сохранности вложенного; кто будет гарантировать вложения в той же Германии, Греции, Турции, Бразилии, Колумбии, Китае, Индии, Африке? Я имею в виду не американцев, но именно немцев, греков, африканцев, китайцев. Может ли дать такого рода ответы хоть одно из существующих учреждений администрации? Нет, не может. Государственный департамент простреливается прессой, он на виду. Армия, флот и авиация некомпетентны в вопросах политического планирования, их разведка является тактической, сиюминутной. Ни в коей мере не отрицая надобность такого рода разведки, я все же полагаю, что новое сообщество, если оно под нашим нажимом будет создано, должно быть построено на принципе тотальной тайны. Вам придется быть готовыми к тому, чтобы поступиться какими-то принципами, столь всем нам дорогими: да я убежден, что прекрасный горячий народ Латинской Америки может направить на путь созидания, а не болтовни, лишь твердая рука, некая форма диктатуры, конечно же, военной, иная там невозможна. Да, я убежден, что нам придется в недалеком будущем смириться с тем, что ряд «фюреров военной экономики» вновь сядет в свои кресла, но уже под нашим контролем... Да, я убежден, что всем нам придется — увы, это неизбежно — порою поддерживать совершенно непопулярные режимы и жестоких политиков, но что поделать, если они в настоящее время являют собой наиболее надежный заслон против международного коммунизма. Либо защита нашей демократии жестокими методами, либо гибель — третьего не дано. Мне бы хотелось послушать ваши соображения по поводу именно этих позиций, прежде чем мы станем обсуждать совершенно конкретные предложения, которые я, мои коллеги для вас подготовили, исходя из моего опыта и как представителя УСС в Европе, и как бывшего директора банка несчастного Курта Шредера, томящегося пока еще в нашей нюрнбергской тюрьме...»

(Для того, чтобы стало ясно, кого представляли эти люди, следует дать краткую, вполне статистическую справку, составленную по законам великолепных справочников, издающихся в США, «Кто есть кто».)

Итак, «Юнайтед Стейтс стил» — металлургический трест, самый крупный в мире; его заводы дают столько стали, сколько вся промышленность Великобритании; выпускает также суда, корпуса бронемашин, стволы орудий, цемент; контролирует наиболее богатые месторождения каменного угля, марганцевой и железной руды, причем только в США и Венесуэле запасы железной руды исчисляются в 1,6 миллиарда тонн; корпорация владеет семьюдесятью заводами и ста сбытовыми предприятиями в США, Бразилии, Венесуэле, Габоне, Канаде, на Багамских островах; дочерние предприятия организованы в Испании, Венесуэле, Италии, Канаде, Англии (ныне и в ФРГ); на предприятиях корпорации занято около двухсот тысяч рабочих; оборот составлял тогда около двух миллиардов; активы — около четырех миллиардов.

«Анаконда компани» — один из крупнейших в мире поставщиков урановых концентратов и алюминия. Является монополистом по производству меди в Чили; производит бокситы на Ямайке и полиметаллические руды в Мексике; сбытовые организации функционируют в Индии, Италии, Бразилии, Аргентине, Англии (до сорокового года — в Гамбурге и Бремене).

«ИТТ» — крупнейшая монополия по производству слаботочного электрооборудования, военной техники, средств связи, бытового электрооборудования; контролирует важнейшие межконтинентальные линии связи; специализируется на выпуске радиолокационной аппаратуры; приобрела пакеты акций в фирмах по сдаче в аренду автомобилей; открыла компании по кредиту населению; активно начала заниматься выпуском вычислительной техники. «ИТТ» имела сорок два завода в США и двадцать заводов в Голландии, Швейцарии, Италии, Замбии, Нигерии, Иране, Турции, Австралии, Канаде, Аргентине, Бразилии, Колумбии, Чили, Коста-Рике, Венесуэле, Мексике, Кубе; владеет семью морскими радиостанциями. На научных работах «ИТТ» в ее лабораториях и исследовательских центрах занято более десяти тысяч человек; на фирмах, а их более трехсот во всем мире, работает более ста пятиде-

сяти тысяч человек; акционерный капитал — около двухсот миллионов долларов; оборот — более миллиарда долларов; основной капитал — около миллиарда долларов.

«ИБМ» — крупнейший поставщик военной техники для Пентагона, первая в мире по количеству выпускаемой электронной техники; единственная корпорация США, не продающая за рубеж свои патенты; заводы «ИБМ» функционируют в Бразилии, Колумбии, Англии, Бельгии, Испании, Голландии, Италии, Франции, Индии, Мексике; станции обслуживания «ИБМ» работают в семидесяти городах США, свыше двухсот станций и центров открыто в большинстве стран мира; оборот — около двух миллиардов долларов; акционерный капитал — около двух миллиардов долларов; чистая прибыль — около двухсот миллионов долларов; на заводах «ИБМ» и в научных центрах работает более полутораста тысяч человек.

«Стандард ойл оф Нью-Джерси» — крупнейшая нефтяная монополия в мире; контролирует шестьдесят четыре нефтеперерабатывающих завода в двадцати девяти странах мира; поставщик горючего для Пентагона; ему принадлежат трубопроводы длиной в шестьдесят тысяч километров при пропускной способности в двести пятьдесят миллионов тонн нефти в год; представительства корпорации есть практически во всем мире; акционерный капитал — около полутора миллиардов долларов, оборот — девять, активы — одиннадцать миллиардов (в том числе за границей пять миллиардов), основной капитал — одиннадцать миллиардов, чистая прибыль — восемьсот сорок миллионов, из них пятьсот миллионов получены от эксплуатации нефтеносных месторождений за границами США.

«Боинг» — крупнейшая монополия по производству самолетов для Пентагона, гражданской авиации и вертолетов (ныне прочитываются связи с концерном «Мессершмитт»); оборот более полутора миллиардов долларов.

«Фёрст нэшнл бэнк» включает в свое правление представителей корпораций «Боинг», «ИБМ», «Анаконда», «Стандард ойл»; имеет около двухсот отделений в Панаме, Гондурасе, Пуэрто-Рико, Чили, Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Доминиканской Республике, Германии, Швейцарии, Бельгии, Гонконге; активы составляют около семи миллиардов долларов; работает более чем с пятьюстами тысячами мелких вкладчиков и заемщиков; активно скупает акции иностранных компаний.

Из такого рода справки — именно статистическими данными пристало оперировать, когда речь идет о махине, всяческие эпитеты только мешают делу, девальвируя правду с оскорбительными выпадами пропагандистского плана,— явствует, что люди, отвечавшие за финансирование промышленности, за производство авиации, электроники, стали, танков, средств связи, орудий, то есть представлявшие военно-промышленный комплекс, не могли не собраться на встречу, предложенную Даллесом, чтобы выработать единую концепцию действий, обменявшись мнениями о том, что происходит в мире.

Логика борьбы в равной мере присуща тому, кто плавит сталь, и тому, кто вкладывает деньги в ее выплавку; тому, кто ведет лайнер в небе, и тому, кому он принадлежит; взаимоисключаемость интересов должна быть снивелирована арбитром, то есть администрацией; в равной же мере это требование распространяется и на внешнеполитический аспект проблемы: без надежной защиты интересов корпораций со стороны Белого дома нет и не может быть роста выпуска продукции, количества скупленного золота в сейфах банков и новейших патентов на новую технологию, спрятанных в бронированные хранилища корпораций.

Логика такого рода борьбы предполагает мобильность и твердость; лучшей формой защиты в определенных ситуациях может и должно быть нападение.

Сил и средств для этого достаточно; дело за организационным осмыслением нового этапа развития мира.

Даллес к нему готов.

Корпорации дали ему на это карт-бланш, время от размышлений переходить к конкретным делам; опоздавший проигрывает.

Окончание следует.

Фото А. БОЧИНИНА

интервью «огонька»

Земля судьбы

Валентин РАСПУТИН

Земля, на которой ты родился. Здесь все было впервые — и первые шаги, и первые слова. Возвращаясь к самым чистым, зыбким своим воспоминаниям, мы поневоле благодарны этой земле за то, что она была свидетелем нашего детства, нашего знакомства с огромным миром. Наверное, это самое первое проявление любви к своей малой родине, неосознанное и достаточно эгоистичное. Эта любовь может не развиться, «потеряться» в суетной смене впечатлений, эмоций, увлечений. Или однажды совсем, казалось, забытая, поразить всплеском «нечеловечески сильного и огромного чувства, пытающегося вместить в себя все сияние и все движение мира, всю его необъяснимую красоту и страсть, всю обманчиво сошедшую в одно зрение полноту».

Но дело писателя, помимо любви и ответственности, требует мужества, и немалого. Об этом В. Распутин говорил на шестом съезде писателей России: «Двадцать лет назад Юрий Казаков написал свою известную статью «О мужестве писателя», в которой говорил о необходимости постоянного, без отпусков и выходных, мужества, требующегося от человека нашей профессии. Юрий Казаков заговорил об этом в свое время не затем, чтобы восславить себя и своих товарищей и выпросить у читателя порцию добавочного, недополученного, полагающегося за труды уважения, а затем, чтобы напомнить писателю его непростую, особую роль в обществе и тяжелейшую ответственность перед литературой. И я сейчас решаюсь продолжить этот разговор не для того, чтобы воскликнуть: ах, какие мы с вами мужественные люди!—нынче вообще жизнь требует от человека мужества, чтобы жить,— а для того, чтобы попытаться понять, что в нашей роли и что в нашей ответственности изменилось с 60-х годов, когда я и мои сверстники только-только пришли в литературу.

Сейчас так же, как и двадцать лет назад, писателю требуется мужество один на один с собой, перед чистым листом бумаги. Труднее этих мучений и выше этого мужества ничего не бывает.

Но двадцать лет — это все-таки двадцать лет. Нынче уже мало терпения и дара, мало чистых рук и добрых намерений — как никогда прежде, писателю необходимы гражданская стойкость и зрелость. Что тут, казалось бы, нового: гражданин в литературе требовался всегда. Нового ничего не было бы, если бы нас удовлетворяло сложившееся, вернее, каким-то образом склонившееся представление о гражданине. Понятие, в сущности, остается: гражданин — это работник, деятель, радетель во блага Отечества, но сама деятельность, само радетельство понимается сегодня так широко и привольно, что принимает форму встречных потоков. Одна сторона смотрит на действия другой как на опасную устремленность временщиков-технохватов, путающих, подобно всем временщикам, общественное благо с поместным, вторая видит в предостережениях первой болезненную интеллигентскую одышку, боящегося свежего воздуха. В массовом же понимании гражданин — это преобразователь, переустроитель, натура, идущая без оглядки вперед и только вперед. Эти разные взгляды и этот главенствующий взгляд существуют и в литературе. В огромном большинстве книжная продукция воспитывает в своем отечестве «человека со стороны», напористого преобразователя его духа, традиций, памяти, культуры и земли.

Неверно, что литература знает лишь ставить вопросы, не отвечая на них, хотя ответы, быть может, и необязательны, потому что нравственная постановка вопроса содержит в себе и нравственный ответ на него, а безнравственная постановка вопроса — безнравственный ответ. Однако в традициях российской словесности договаривать до конца. «Деревенская» проза 60—70-х годов, как ни старались тыкать ее в вековую деревенскую грязь лицом, опасаясь, что она наследит этой грязью на полотне новой жизни — на асфальте, вернула необходимый долг родительской России не одной лишь поминной, но и живой благодарной памятью и показала, чем крепилась, и что внесла из глубины истории национальная наша душа, указала на духовные и нравственные ценности.

Доказательством того, что «деревенская» литература дала отнюдь не расплывчатый и не отговорчивый ответ, является последующая недавняя судьба старой деревни: во вред земле, от которой мы кормимся, ее сочли «неперспективной» и снесли с лица земли.

Огромное дело сделала «военная» литература. Ей, возможно, не удалось сказать полную правду о войне, но она сказала правду о человеке на войне и назвала силу, поддержавшую солдата в сверх и сверхнечеловеческих испытаниях. Сила эта — Родина в ее людских судьбах и природном, и историческом завете своей неприкосновенности. Картины родных мест в их вековых природных очертаниях были для воина с Волги и Ангары, с Днепра, Сухоны и Оби оружием ничуть не меньшим, чем боевое и идейное оружие. И давайте подумаем, удалось ли нам сохранить, это первое, при родине живущее, могучей силы защитное оружие, не рано ли и в качестве какого пережитка мы от него отказываемся.

Я говорю сейчас о «деревенском» и «военном» направлениях нашей литературы потому лишь, что все эти двадцать с лишним лет они шли рука об руку, плечо в плечо, утверждая неотменяемые принципы физического и духовного благополучия общества. Это не значит, что их не утверждали другие направления советской литературы, литературы в основных своих устремлениях — процесс единый, но едва ли всерьез можно оспорить, что наиболее страстными и искренними голосами в общем хоре были именно эти два голоса. Они сказали то, что требовалось прежде всего в эти двадцать лет сказать читателю. И, казалось, не опоздали со своим словом. По крайней мере не чувствовалось трагического опоздания».

Тема малой родины, ее первоосновы в нравственном сознании человека уже двадцать лет определяет творчество Валентина Григорьевнча Распутина. Гневом, стыдом, горем звучит эта тема в повести «Прощание с Матёрой»; гордым осознанием своей приверженности к сибирской земле, ее истории и ее памяти — в очерках «Иркутск с нами» и «Сибирь без романтики». Прошлое: люди, связанные с нами кровным родством или культурной преемственностью, память земли и память людей — понятия, нераздельно связанные с чувством родины, патриотизмом — облагораживает и возвеличивает наш сегодняшний день.

Старуха Анна («Последний срок»), исходившая по своей земле почти восемь десятков лет, вырастившая на ней своих детей и умирающая с чувством исполненности своего земного смысла: «Изжилась до самого донышка, выкипела до последней капельки». И — исковерканный грехом людского равнодушия последний срок жизни Дарьи Пинигиной («Прощание с Матёрой»); «А теперь че? Не помереть мне в спокое, что я от вас отказалась, что это на моем, не на чьем веку отрубит наш род и унесет...» Красота и величие прибайкальской земли — как благословение, принятое Саней («Век живи — век люби») и — оставшаяся свербящей болью, неизбывной и нерастраченной — привязанность к родной земле Ивана Петровича («Пожар»)...

Физическая близость с землей своего рождения, которую ощущали, ценили и берегли герои ранних рассказов и повестей В. Распутина, в его последних произведениях уступает место иному осмысленному родству с ней.

Сане только открылась величавая стать — и беспомощность — родной земли. Иван Петрович обречен на вечную разлуку со своей родной деревней, Егоровкой, затопленной водой. Его приятель, Афоня, свои невеселые думы выразил в простодушной мечте: найти то место на воде, где стояла раньше Егоровка, и поставить там отличительный знак — ведь была она «работницей... не последней... на матушку-Россию работала...». Но память Ивана Петровича не обозначишь так просто. Исчезла Егоровка с земли — и нет покоя его душе. Словно вековечный порядок нарушился. «То, за что держались еще недавно всем миром, что было общим неписаным законом, твердью земной, превратилось в пережиток». Раньше созидали — не спеша, даже слово-то это громкое вряд ли подходит для той скромной, но размеренной и с душой согласной жизнью, какой жили издавна, от деда к внуку, земляки Ивана Петровича. Зато теперь, в леспромхозе, куда свезли несколько деревень, спасения нет от громких слов. От того размаха, с которым люди слишком быстро привыкли вторгаться в природу, не щадя ее. Но ведь и себя не щадя.

«И только у сына... Иван Петрович вошел опять в душу». Здесь не ужасалась она, не противилась тому, что входило в нее. «...Жизнь здесь чувствовалась не надрывная, порядка здесь просматривалось больше, и держался этот порядок не на окрике или штрафе, а на издавна заведенном общинном законе».

«Есть земля рождения и земля судьбы»,— писал однажды В. Распутин. И как тут быть, коли потеряна земля рождения, но кажется, что обретена земля судьбы? Заменит ли она потерю? Ничто будто бы не держит распутинского героя в так и оставшейся чужой Сосновке. Да и душа болит за то, что происходит вокруг него. Болит — и уносит последние силы. На сопротивление, на то, чтоб хоть как-то примириться с собой, нынешним.

— Земля рождения и земля судьбы.., Валентин Григорьевич, где выход, как найти согласие с душой? Только ли возвращением к патриархальному укладу жизни?.. Ведь ваш герой находит возможность вести тот образ жизни, который ему дорог и понятен. Так что не отпускает его с родной земли? Какие нравственные законы тут действуют?

— Это не определишь. Возможно, Иван Петрович больше бы пользы принес там, где живет его сын и где он «нашел себя». Но — не может уехать туда. Есть нравственный смысл в этом — идти до конца: с Родиной, с землей, родным человеком...

— Как Настена? (в повести «Живи и помни»). Но ведь она, кроме той безоглядной дороги до конца с родным человеком, мужем, который стал дезертиром, вершит и нравственный суд над ним. Андрей видел оправдание себе в их будущем ребенке, а Настена своей гибелью этого оправдания его лишает?

— Суд над ним она, конечно, не вершит. И Настена, и Иван Петрович загнаны жизненными обстоятельствами. Когда она была с Андреем — отдавала ему все силы, а оставаясь без него, понимала, что сил этих уже нет...

— Так в этом случае «идти до конца» — значит не щадить себя?

— Да, вот именно. А «суд», как вы говорите,— это то, что истекает из ее поведения. Вы здесь уже конкретную женскую судьбу подменяете литературным образом...

— Валентин Григорьевич, не побеждает ли в вас публицист писателя?

— Не знаю ни одного серьезного писателя, который бы не обращался к публицистике. Публицистика — это открытые взгляды художника на человека и мир, выделение из множества проблем главных. В определенном смысле это выход художника из себя, вызванный особыми экстремальными обстоятельствами. Сейчас таковыми обстоятельствами я считаю

В. Мягков. Род. 1936. ОСВОБОЖДЕНИЕ КИЕВА. 1984—1985.

А. Лысенко. Род. 1916. ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ. 1984—1985.

экологические проблемы, проблемы сохранения исторической памяти и вообще сохранения человека как в нравственном, так и физическом планах.

«В литературе нет черной работы,— сказал Распутин на недавнем писательском съезде,— а русская литература всегда, во все времена, прежде всего отзывалась на потребности Отечества. И то, к чему я клоню, вовсе не прикладная литература, я никого не призываю оставить божественные звуки и перевести великий русский язык, национальные языки на пламенную отчетность. У каждого из нас свой участок на общем литературном поле, на котором писатель может принести наибольшую пользу. Но если представить наше общее поле не в абстрактной, а конкретной картине,— это и будет Россия. Нет для нас судьбы и нет у нас слова, помимо России. Здоровое интернациональное чувство держится на чувстве национальном — едва ли такие вещи нужно расшифровывать.

Чтобы завтра могли явиться в литературу новые Пушкины, Феты, Тургеневы и Бунины, Пришвины, Казаковы и Носовы, певцы русской природы и русской души,— не надо ли нам сегодня всем вместе позаботиться о сбережении и души, и природы. Профессиональному этикету это нисколько не повредит.

Критика судит о литературе по ее вершинам. Это справедливо, если говорить о достижениях словесности, и не совсем справедливо, если говорить о ее состоянии. У нас немало замечательных мастеров, кудесников слова и апостолов совести. Однако ниже определенной отметки, там, где кончаются имена — громкие и негромкие, одинаково полезные литературе, и начинается членство в Союзе писателей, сейчас, как никогда, море разливанное неразборчивости, нетребовательности и духовной безграмотности. Хуже всего, что царят неразборчивость и гражданское безразличие, пользующиеся тем, что поближе лежит, погромче гремит и настегивающие своего пегасенка хоть куда — хоть на веселые поминки «неперспективной» деревне, хоть на торжественный праздник заворота рек».

— Но оперативным вмешательством, публицистикой, внутреннее состояние человека вряд ли изменишь. Не означает ли это, что писатель начинает диктовать правильную линию поведения, правильные поступки?

— А что такое поступки, как не результат — физический, ощутимый — нравственного состояния человека? Заставить его остановиться, осознать. А потом уже «лечить» терапевтически. Ведь иногда сам человек не понимает, не видит неблагополучия в себе. Но жизнь порой сама организует те «горячие очаги», мимо которых человек не может пройти, как и случилось в повести «Пожар». Для Ивана Петровича, который уже отстранился от того, что происходит вокруг него и требует самого скорого и горячего участия, в повести остается возможность возвращения к себе.

Если достанет мужества. Сейчас ведь и обыкновенная, повседневная жизнь требует мужества. Со всех сторон встают проблемы, сладить с которыми непросто.

— Но ведь для Ивана Петровича никаких открытий в этой экстремальной ситуации не происходит! Спроси его раньше — кто из его земляков будет муку из огня вытаскивать, а кто набросится на дармовую водку — наверное, не ошибся бы?

— Возможно. Ведь не только он, а и все люди увидели, до чего они дошли. И так все остаться не может...

— И Иван Петрович никуда, видимо, не уедет: «Ты уедешь, я уеду — кто останется?.. Неужто так и бросим?! Обчистим до ниточки и бросим! И нате — берите, кому не лень! Его это земля, его — земля, «которой отдана жизнь и жизнь всего позднего, прежнего рода».

Почему же этот «поиск себя» так привязан к родной земле? И не означает ли это, что сами по себе ритмы нашего времени, заставляющие людей в одночасье порывать со старым укладом, покидать свою малую родину, разрушают нас? Неужели быть в ладу с собой возможно только, не подчинившись им?

— Чувствовать родную землю можно не только при физической близости с ней. Это чувство можно вернуть через Достоевского, Бунина, Лескова. Важно сохранить в себе незыблемость этого первейшего понятия — патриотизм. Мы привыкли говорить о качестве жизни человека — пришла пора говорить о качестве патриотизма. В 60-е годы люди, которые не пожалели Байкал, тоже прикрывались патриотизмом. Или всяческие бытующие проекты экологических преобразований. Получается, что без них нам чуть ли не пропасть. Может быть, лучше решить, как правильней землю обрабатывать? Патриотизм — это понятие, которое нельзя склонить в ту или другую сторону. Это понятие переиначивать вместе с природой не стоит...

— Валентин Григорьевич, слишком очевидны примеры, когда гражданская активность писателя, его вмешательство в решение экономических проблем не приводили к спасительным последствиям. Все решалось в целях сиюминутной выгоды, а нравственная цена такой «выгоды», ее губительность для будущего принимались во внимание только на словах. Но, возможно, в вашей жизни были примеры, когда слово писателя становилось в какой-то ситуации решающим?

— Такие примеры, к счастью, есть. В 60-х годах С. П. Залыгину удалось остановить намечавшееся тогда строительство Нижне-Обской ГЭС, проект которой не считался, как у нас сплошь и рядом бывает, с огромными потерями предназначенных для затопления земель. Практика эта не изжита до сих пор: легко подпадая под магическое влияние «проектов века» при строительстве гидротехнических сооружений, мы почему-то не принимаем в расчет потери основного национального богатства — земли и воды, как будто они бесконечны и ничего не стоят. Никакая другая страна в мире подобного расточительства себе не позволяет.

И вот несостоятельность и авантюрность одного из таких скороспелых проектов писателю Сергею Залыгину и его единомышленникам и удалось тогда доказать. Победы такого рода легко не даются, случай этот, несмотря на всю его разумность и логичность, надо считать исключительным. Как правило, лихие преобразователи природного и исторического лика нашей Родины слышат лишь собственные доводы и знают лишь собственную правду. Чаще всего победу празднуют они, если это можно назвать победой. Так случилось и до сих пор происходит на Байкале, куда продолжают отмахиваться не только от отдаленных, но и сейчас заметных трагических последствий. Я вынужден часто вспоминать разговор, который произошел у меня с одним из ответственных работников. Он сказал: в споре о Байкале нельзя было допустить, чтобы правы оказались вы, гуманитарии. Логика абсурдная, но... торжествующая.

В самих наших разногласиях по экологическим вопросам, равно как и по вопросам культурно-исторического наследия, ничего особенного нет. Их можно бы считать естественными — разные взгляды на эти вещи были и будут, а споры должны приводить к истине, если бы наши противники проявляли уважение к истине. Больше всего пугает, что, пользуясь одним языком, мы перестаем совершенно понимать друг друга. Дело не в том, что нравственность и экономика имеют разные словари, они должны бы сходиться в утверждающемся сейчас понятии нравственности экономики, суть, вероятно, в другом — в разнотипности человека.

Поэтому вести спор с такими людьми, как понимаете, трудно. Что для нас с вами и свято, и вечно, для них пустой звук. И живое чувство Родины и ее истинных потребностей в них или приглушено, или задвинуто в иные понятия.

Кстати, литература этот тип человека пока не раскрыла. Она лишь заметила его, показала малую часть его действий и словно бы остановилась в оцепенении: не может быть! Есть, да еще как есть! И, пока мы боязливо рассматривали его, он успел продвинуться далеко и установиться прочно, став государственной величиной.

Вот и поговори с таким о красоте Байкала и его чистых водах. Он уже не в состоянии нас понять, он человек другого духовного вещества, вроде инопланетянина, смотрящего на нашу землю как на отсек космического корабля, замусоренный остатками доисторического существования. Ему интересней заниматься возрождением жизни на Марсе, чем сохранением ее на Земле.

— Вы пишете книгу о памятных, заповедных местах Сибири. Не можете ли вы рассказать об одном из таких мест, чтобы читатель почувствовал дух настоящей, природной Сибири?

— Тут или все, или ничего. Сказать в нескольких словах, к примеру, о Байкале или о заполярной тундре — значит отделаться междометиями, обещаниями и недомолвками. Читатель этого не любит. Ему нужна убедительная и полная картина, способная потеснить или углубить вольно или невольно сложившееся впечатление. Даже о тех местах, где мы никогда не бывали, в нас складывается определенный зрительский оттиск — то ли случайный, то ли приблизительный, то ли более или менее верный. Природа не только вокруг нас, но и в нас не терпит пустоты.

Взявшись за книгу о Сибири, я, откровенно говоря, плохо представлял, с какими придется столкнуться трудностями. Во-первых, сибирская природа... Конечно, без вершин ее, без Байкала и Горного Алтая, не обойтись. Для них и слово требуется четкое и как бы горнее, способное хоть в какой-то степени передать могучее совершенство этих творений. А степь, а тундра, а тайга, а Саяны! А невыразимый переход земли и смена всего живущего на ней от рек, текущих на север, к рекам, поворачивающим на восток, к Тихому океану?! А потайные уголки, неожиданные и исключительные посреди географической нормы, «накапанные» там и сям, чудо которых грозит так неразгаданным и исчезнуть с нарушением природной среды?!

Но природные картины — это только часть и, быть может, самая приятная часть работы. Трудней говорить о сибиряке. Минуло всего только четыреста лет, как пришли сюда русские и, соединившись с аборигенами, начали обживать эти края. Что такое русский в Сибири, в чем его отличия от русского к западу от Урала, есть ли они и существует ли как особое «сибирский характер»? В чем он проявляется? И разве русский возле Байкала и русский возле Холодного океана — это одно и то же? А религиозный раскол, оставивший в Сибири еще один чрезвычайно интересный тип жителя? А нынешний переселенец: что его сюда ведет и как он здесь хозяйничает?

И самое главное: насколько изменилось отношение к Сибири, каково не только рабочее строительство, но и «домашнее» обустройство этих районов?

Словом, чем больше ездишь, смотришь, вникаешь в историю края и ее особенности, размышляешь о прошлом, настоящем и будущем Сибири, сравниваешь прежнего сибиряка с теперешним, тем большую чувствуешь остроту и сложность проблемы: слишком велика, разнолика и сложна Сибирь, слишком много в ней самых разных противоречий.

Разобраться полностью в них мне, разумеется, не удастся. Но и задача моя проще: преданного Сибири и любящего ее утвердить в любви и преданности, стороннему человеку показать часть ее неповторимости и благодатности, а в адрес ретивых ее преобразователей сказать, что в Сибири так же, как и всюду, разрушение природы и небрежение к истории ведет к физическому и нравственному разрушению человека. Больше того, в силу некоторых особенностей, о которых пришлось бы говорить долго, здесь этот разрушительный процесс склонен протекать и быстрее, и сильнее, и окончательней.

Кажется, что круг тем и проблем, которые не оставляют внимания Валентина Распутина, ясен. Вроде бы писателя занимает только одно: остановить суету и лихорадку современного человека, заставить его оглянуться на свою жизнь, растерзанную этой суетой, в которой так много случайного, нравственный строй которой поколеблен. Поступкам его героев невозможно подражать. Их, живущих степенно и основательно, несущих в себе историческую память, столь же степенно и основательно прошедших свой путь поколений, он словно противопоставляет нам, бесконечно расплескивающим эту свою природную степенность и основательность. Дарья нас ощущением трагического единения Дарьи Пинигиной и Матёры — или высоким согласием с собой, которым отмечены последние минуты старухи Анны; детской счастливой озаренности Саньки — или мучительным душевным испытанием, перенесенным Иваном Петровичем, писатель словно заклинает беречь, растить в себе то, что отпустила природа человеку. Крохотное, малое легко растоптать — и тогда быть беде. Распутин предостерегает от этой беды. Он стремится исцелить заблудших и растерявшихся, умеет объединить тех, кто чувствует «беспорядок в себе» и обратить их в свою веру — веру в величие и разум русского человека, которые питают его история и его память.

Беседу вела О. ПИНИЖИНА.

Иркутск — Москва.

Имя собственное

**Алексей МАСЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька».
Фото автора**

Всю ночь вагон трясло и мотало. Сквозь складки сна, неровного, как и эта дорога, вдруг проступили неестественная тишина, приглушенные голоса за дверью купе и совсем уже наяву командный мегафонно-резкий голос диспетчера.

— Станция? — неизвестно кого спрашивает сосед, полуспортивный кандидат наук, безапелляционно трепавший весь вечер вздор. Не получив ответа, он натягивает одеяло на голову и через минуту снова сладко и сонно причмокивает. Вспыхивает огонек спички, и сверху вижу, как Вячеслав, живой, общительный ростовчанин, предпочитающий быть, по его словам, «в дружбанах» с каждым, разве что кроме отпетой сволочи, вытряхивает из пачки сигарету, прикуривает и, осторожно приоткрыв дверь, выскальзывает в коридор. Тишину прорезает тепловозный гудок, раздается лязг сцепки, вагон на мгновение замирает, и седая в отблеске станционных прожекторов туша цистерны начинает плавно уползать из рамы окна. И вот уже остаются позади: толстая тетка в оранжевой безрукавке, застывшая на крылечке у пустого переезда со своим скромным жезлом, малахитовый глаз светофора, трассирующая морзянка встречного экспресса, и вновь под нарастающий перестук колес полетело навстречу смутно-белое ночное пространство.

В Таллин поезд вплыл сумрачным влажно-морозным утром точно по расписанию. Все были готовы к выходу, когда наш попутчик, худощавый эстонец в сером жилете, украшенном тонкой цепочкой карманного хронометра, не проронивший, кажется, за время пути и десятка слов, неожиданно произнес: «Если вы в центр, машина стоит, я подвезу».

Через пятнадцать минут я уже был в горкоме партии перед дверью нужной мне комнаты. По правде говоря, недолюбливаю женщин в кабинетах. Но, перешагнув порог, я был поражен: сидящая за большим живописно-рабочим столом, она была удивительно красива. Легким кивком она разрешила мне войти, сменила руку, державшую трубку, и указала, опять скорее движением глаз, на стулья, обступившие полированную полосу стола заседаний. Ее голос звучал с оттенком черненого серебра, в тон которому она и была одета. Разговаривая по телефону, она делала пометки в перекидном календаре и, откидываясь на спинку кресла, изредка поднимала на меня спокойный, внимательный взгляд. Как мало было в ней общего с хорошо знакомым мне стереотипом классной дамы, обстоятельствами возведенной в ранг высокого куратора, в самом пустячном деле демонстрирующей лишь административную нерасторопность и образец пустой чопорной бдительности. Как просто, со вкусом была она одета, как хорошо, доброжелательно говорила. В точности движений, мягкости интонаций ее чистого, свободного от казенного штампа языка, в манере общения с людьми, заходящими в кабинет, в разговоре по селектору были свой стиль, шарм, деловой такт.

Гостиница, время встречи с Элли Рубен, секретарем парторганизации трикотажного объединения «Марат», телефоны интересующих меня организаций и необходимых людей — все вопросы были решены в считанные минуты. Одноместный номер на семнадцатом этаже гостиницы «Олимпия» встретил меня темно-фиолетовой с розовым исподом великолепной тучей, нависшей над Вышгородом, тремя сухогрузами, заснувшими на рейде бирюзово-сумрачного залива, и гостиничным непривычно-вежливым сервисом.

Отчего, спрашиваю я себя, нас интересуют «секреты» успехов предприятия, рентабельность которого всегда точно спланирована, его целесообразность очевидна, сырьевая база и мощность всегда просчитаны? Почему мы раздаем аплодисменты тому, кто делает свое дело попросту добросовестно? «Причины успехов»...— уже какая-то аномалия есть в самом сочетании слов. Никому ведь в голову не приходит спросить у нормального и здорового человека о причинах его здоровья. Вопрос такой был бы уместен в царстве больных. Он здоров, потому что это естественное состояние человека, и потому, что и родители его были здоровы, потому что с детства сами были приучены к здоровой пище, а не к булкам, растущим на деревьях, и, зная цену всему, они оставили ему не разбитую карету в дырявом сарае, а кузню и по наследству крепкое ремесло. Спросите его, почему он здоров. Он пожмет плечами, подивившись тому, как много на свете праздношатающихся, и снова возьмет в свои руки молот, иди, мол, мил человек, своей дорогой и не мешай людям дело свое делать. Другое дело, если понуро сидит он на завалинке, пьет брагу, при ясном солнышке на балалайке тренькает. Тут бы самое время и спросить народ: «Что случилось с Грицько?» С чего здоровый мужик в меланхолию вдарился? Может, жинка в хоромах его барыней сделалась? Али детки ученые, про батька забыв, на чужбинку позарились? Отчего из рук у него все валится, а лошаденка, им кованная, прихрамывает? Но спросить народ, дело прошлое, было некому...

Действительно, прихрамывает лошаденка, но не в Эстонии, и не на «Марате» в частности. В чем сакраментальный «секрет» успеха? Да нет никаких секретов! С оптимальной скоростью, дающей продукции на 100 миллионов рублей ежегодно, жужжат, крутятся, строчат современные вязальные, прядильные, швейные машины. За ними своевременный уход, за теми, кто работает на них,— максимум, как и необходимо, заботы и внимания, потому что, представьте, руками швей «Марата» изготавливается 82 тысячи изделий, из них 64 тысячи белья и 18 тысяч верхнего трикотажа, в день!

Элли Рубен, секретаря парткома объединения, мне рекомендовали как человека опытного, энергичного. Она действительно конкретна, деловита, умна. Но что ей стоила роль гида при первом моем знакомстве с производством, я понял только тогда, когда, выйдя из швейного цеха, последнего в нашем маршруте, она охнула, с тихим стоном попрощалась со мной и, безнадежно махнув рукой, поспешила в кабинет зубного врача.

Антс Капрал, похожий по сложению на центрового баскетбольной команды, обязанности генерального принял в тридцать три года. До этого несколько лет работал главным инженером. Надо полагать, свое производство человек знает. Сейчас ему сорок пять. И для центрового игрока, фигурально изъясняясь, он подходит вполне. Приведу буквально несколько его высказываний:

— У вас есть доброе имя, зачем его марать, работая кое-как. И у нас есть свое имя, **собственное**, есть свои трудности, но, думаю, что есть они и у вас.

...Новая техника нам нужна не для того, чтобы кому-то легче было получать зарплату, а для того, чтобы он производительнее использовал рабочее время.

...Социальная справедливость — это устранение уравниловки, высокая требовательность и создание таких условий, при которых работник был бы заинтересован в повышении качества продукции.

...Смысл политической работы в массах, которой приходится заниматься всякому руководителю производства, и заключается именно в том, чтобы всеми возможными средствами повысить качество продукции, обеспечивая ее конкурентоспособность на международном рынке. В этом состоит престиж каждого предприятия.

На улицах в лучах фонарей искрилась, кружась, рождественская метель. Магазины бурлили. Таллинский Дом торговли, напоминающий в общих чертах ЦУМ, был особенно оживлен.

— Мы продаем товаров на 116 миллионов рублей,— в нашей непродолжительной беседе сказал Борис Карлович Варвас, основательный, по-деловому респектабельный и корректный заместитель директора этого магазина.— Из них 5,7 миллиона получаем от продажи товаров объединения «Марат». Это намного меньше наших потребностей. И не всегда эта фирма выпускает то, что мы заказываем. Но мы понимаем, что отсутствие нужного сырья не всегда позволяет им выпускать нужный нам ассортимент. А человеческий характер таков: хочет лучше и лучше. У нас очень много приезжих. Спрос всегда разный. Если же в течение трех месяцев товар не продан, приходится прибегать к уцененной распродаже. Такая практика, особенно после окончания сезона, существует во всем мире. В Хельсинки, например, есть фирма, которая специализирована на распродаже товаров, вышедших из моды. Но случая, чтобы продукция «Марата» залеживалась, у нас не было.

— А что такое, на ваш взгляд, мода, Борис Карлович? — спросил я.

— Мода — это объективная реальность, существующая вне нашей воли,— несколько по-книжному отвечал он.— Желание человека быть одетым современно извечно. Если мы не будем учитывать это, мы проявим слепоту: вакуума на улицах быть не может. Вы меня понимаете?

— Конечно, понимаю, — сказал я, вспомнив всех спекулянтов, которых когда-либо видал.

...Верю в мудрость пословиц: в отделе трикотажных изделий встретил Вячеслава, попутчика из Ростова. Разбитной, набитый, как мешок Деда Мороза, покупками, он встретил меня откровенно дружески:

— У Надюхи, моей жены, пять сестер, у всех мужья, купил трусы — всем по паре, взял пятнадцать. По мелочи того-сего,— нормальный город. А этот мужик, ко-

Художники-модельеры таллинского трикотажного объединения «Марат» Найре Валдма, Иви Тентер, Елена Иванова знакомят коллегу из Киева Светлану Мышкину с изделиями своего предприятия.

торый был у нас,— что там трикотаж, — одни пирожки, — хорошо вовремя сняли с работы. Вот и говорю с ними, с паразитами, как надо: чего крапиву косить, все равно вырастет. Я мучился с ней на своем участке, мучился, сосед говорит: ты на корни глянь, она там вся стелется, что ботву-то дергаешь, картошку, говорит, на ней посади. Веришь, все перекопал, картошку посадил, избавился.

...И несколько симпатичнее и духовно устойчивее показался мне ростовский этот парень, пусть утомительный в своей общительности, рядом с кандидатом, как оказалось, из Одессы, с которым я столкнулся на следующий день на улице Пикк. И опять же где? У фирменного магазина «Марат». Неприязнь возбуждали и его громкий, самонадеянный голос, его банальная манера мерить весь мир на свой аршин, хотя, кроме интереса к собственной персоне, ни в голове, ни за плечами у этого субъекта не было ничего. Но в студенческой аудитории, вероятно, орел: демократичен, в борьбе за идеалы красноречиво смел. А по сути, он попросту невежда и демагог, та же крапива, о которой говорил Вячеслав, на месте которой давно пора посадить картофель.

В магазине «Марат» тоже толчея. У него шикарные витрины, и расположен он на одной из самых оживленных улиц города. Как сказано в типовом положении о фирменном магазине, утвержденном Министерством торговли СССР, его задачей является: «изучение спроса на товары, образцовая постановка рекламы новых изделий, обеспечение высокого уровня торгового обслуживания населения» и далее: фирменный магазин должен «проводить систематический учет спроса населения на товары своей номенклатуры, намечаемые к массовому выпуску, проводить анкетные опросы, выставки-продажи, покупательские конференции»... Идеальных условий не бывает, но посудите, о каких «покупательских конференциях» может идти речь, когда здесь одна комната, размером чуть больше двадцати метров, одновременно и склад, и раздевалка для всех сотрудников, и бухгалтерия, и контора директора Ийе Оэсельг, работающей, кстати, в этом магазине со дня его открытия.

— «Фирменный» — это значит торгующий всей продукцией и рекламирующий весь ассортимент предприятия,— говорит она.— Площадь наших торговых залов всего 134 квадратных метра, и вы можете, конечно, купить у нас мужское, женское белье, платье, спортивные костюмы, юбки, брюки, жакеты, джемперы. Однако сорок процентов продукции «Марата» адресовано детям, но ее на наших прилавках нет. Нет места. Это значит, мы продаем на сорок процентов меньше того, что могло бы предусматриваться планом. Восемь лет просим, «Марат» ведь на всю Эстонию один, дайте нам помещение рядом, которое занимает магазин «Тюль». У них сто метров зал и такой же подвал. Все и, главное, наши дети от этого бы выиграли. Но исполком молчит. Помогите «Марату».

Что тут скажешь? Тесно в старом Таллине.

Известно, профессия накладывает свой отпечаток на каждого из нас, на наш облик, на чувства, на слова, на саму нашу душу. Кто ты — скажет твое дело, какой ты — скажет твое умение.

Татьяна Юрьевна Добрынина настолько элегантна и хрупка, что кажется ожившей моделью из лакированного сногсшибательного журнала, чарующего воображение всех наших милых женщин, мечтающих быть сегодня прекраснее, чем они были вчера. Она — главный художник-модельер фирмы «Марат», точнее, руководитель ее художественных мастерских.

— Думаю, мало кто из женщин не думает, что надеть, выходя из дому. И в их гардеробах сегодня трикотаж занимает все больше места. На сегодняшний день в нашей стране принято за норму 12,4 штуки трикотажных изделий на человека. «Марат» выпускает больше 14, в подсчете на число жителей республики. Если бы каждый регион страны имел свой «Марат»... Но надо принимать во внимание, что трикотаж сравнительно молодая отрасль легкой промышленности. В Узбекистане традиционным является шелк, в средней полосе—текстиль, нельзя все наши республики идентифицировать. Но дело в моде, а сегодня она — это тип одежды и шагает на улицу уже не штучными изделиями, а массовой продукцией. Мода сегодняшнего дня формируется промышленностью, технологические возможности диктуют свои условия модельерам и формируют спрос. Одежда — это атрибут политики, и с этим необходимо считаться, особенно когда дело касается молодежи.

Если говорить о наших недостатках, они всем известны: плохое качество сырья, красителей, фурнитуры, отделочных материалов. Наша легкая промышленность тяжеловесна. Рынок, спрос требуют более гибкого механизма для удовлетворения потребностей населения. Видимо, пришло время внимательнее изучать опыт других социалистических стран. Но я повторяю, и все это понимают: проблемы легкой промышленности надо решать принципиально и на государственном уровне.— Вот вкратце то, что сказала мне Татьяна Юрьевна в день отъезда.

Но уехать, не попрощавшись с Галиной Николаевной, я не мог. Позвонил.

— Спешу на конференцию. Успеете за полчаса, приходите,— сказала она. Снова гулкий коридор горкома партии, знакомая дверь, табличка: «Виноградова Г. Н.». Тот же внимательный взгляд легкий запах духов, гостеприимный жест.

— Как ваши дела? Нашли, что и о ком писать?— спросила она.

— Да,— сказал я,— о вас.

— Почему? — улыбнувшись, спросила она.

— Потому что очаровательнее женщины на вашем месте я не видел. И еще потому, что у меня к вам просьба: будете проходить по улице Пикк, загляните в фирменный магазин трикотажа и, если сможете, помогите «Марату».

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФАИЗА АХМАД ФАИЗА

Фаиз Ахмад Фаиз в редакции журнала «Огонек» 1979 год.

ФАИЗ всегда с нами

В эти дни вся прогрессивная литература мира с благодарностью вспоминает имя великого пакистанского поэта Фаиза Ахмад Фаиза.

Когда поздней осенью 1949 года первая советская писательская делегация во главе с Николаем Семеновичем Тихоновым летела в Лахор на конгресс писателей, мы только смутно слышали и почти ничего не знали о писателе Фаизе Ахмад Фаизе. Да и в самом деле ему было тогда всего 38 лет. Когда мы встретились в Лахоре и он увидел в моем паспорте дату моего рождения, то воскликнул: «О мой друг Софронов, вы всего на три недели старше меня!»

Да, это было действительно так. Он родился 13 февраля 1911 года. В 1949 году в Пакистане было сложное время. Всего лишь два года тому назад Пакистан стал самостоятельным государством с многомиллионным народом, отделившись от Индии, со своей литературой и своим основным языком. Мы мало что знали о литературе Пакистана. Мы только знали о том, что именно там, в Лахоре, существует группа прогрессивных пакистанских писателей во главе с редактором двух газет, издающихся на урду и на английском языке. Редактором этих газет был поэт Фаиз Ахмад Фаиз. Из-за всяких дорожных проволочек мы опоздали на конгресс. Да он практически и не состоялся, потому что реакционные власти не дали возможности встретиться писателям, мечтавшим о свободе Пакистана. Но наши личные и общественные встречи были очень полезными, ибо в составе делегации были прекрасный таджикский поэт Турсун-заде, узбекский прозаик Айбек и, конечно же, чародей русской поэзии наш любимец Николай Семенович Тихонов. Встреч было много. Но каким-то особым ароматом каждая встреча наполнялась тогда, когда в ней участвовал или организовывал ее Фаиз Ахмад Фаиз.

Не понимая языка урду, а лишь слыша стихи, которые читал Фаиз, мы чувствовали, что это настоящая поэзия. Уже потом, с годами, по переводам на русский язык мы узнали истинную цену поэзии Фаиза Ахмад Фаиза.

Сейчас, когда вспоминаешь эти дни, думаешь и о том, что это была половина твоей нынешней жизни. Все было по-другому, все было впереди. Еще не были объединены, как это случилось в середине 50-х годов на конференции в Ташкенте, писатели стран Азии и Африки. Еще не было Организации солидарности народов Азии и Африки.

И вот сейчас, оглядываясь на эти прошедшие десятилетия, с горечью вспоминаю о том, что Фаиз чуть больше года тому назад покинул нашу грешную землю, буквально через несколько месяцев после того, как мы в Тунисе под его председательством провели последнее заседание редколлегии журнала «Лотос». Это было действительно так. Сейчас с особой грустью вспоминаешь заседание, приправленное печалью и каким-то скорбным ожиданием. Фаиз вернулся к себе на родину в Пакистан, в город Лахор, в тот самый дом, в котором он нас всех принимал в 1949 году. И скончался.

Это была тяжелая потеря для всех нас. Не только для пакистанской литературы. Потеря для всех тех, кто мужественно все последние десятилетия сражался с колониализмом и империализмом.

Когда-то Фаиз после одного из посещений Москвы, вернувшись на родину, был арестован и засажен в ту самую крепость, которую он нам показывал во время нашего пребывания в Лахоре. Около пяти лет он находился в темнице. А затем, уже с улыбкой, он вспоминал: «Я все-таки имел возможность писать там стихи. У меня было много свободного времени».

Наши читатели прекрасно помнят образные, глубоко народные стихи, всю поэзию Фаиза Ахмада Фаиза. Еще в темнице он написал такие строки:

У меня отобрали перо, но стану ли я
тосковать?
Я обмакнул пальцы в горящую кровь сердца.
На уста наложили печать,
ну и что?
Каждое звено моей цепи может
говорить!

После этих слов Фаиза можно сказать: каждое звено его поэзии будет говорить всегда, вечно языком поэзии со всеми народами мира.

Анатолий СОФРОНОВ

ПОСЛЕДНИЙ САЛЮТ

Быль

В вечернем небе полыхнули разноцветные гирлянды, и спустя мгновение пророкотал пушечный залп. Ходячие больные столпились в небольшом холле у окон, выходящих в старый парк. Мириады разноцветных звездочек мерцали в темно-синем небе и, медленно угасая, опускались за вершины деревьев.

Оглядываясь на толпившихся в холле людей, я подумал об Иване Васильевиче Шаповалове, давнем моем знакомом, который лежал в соседней палате, куда врачи помещали самых тяжелых больных. Иван Васильевич — фронтовик, был неоднократно ранен, награжден тремя боевыми орденами, а за достижения в труде получил орден Октябрьской Революции...

Исхудалое тело Шаповалова покрылось пролежнями, врачи часто делали ему перевязки, пытаясь как-то заглушить нестерпимую боль. Но никто не слышал от него даже обычного стона. Больной был всегда собранным, терпеливым. Иногда даже шутил: «Я, сестричка, еще потанцую на твоей свадьбе... А насчет моей худобы не беспокойся, такого, как я, намного легче переворачивать с боку на бок...»

В те минуты, когда за окнами полыхало зарево артиллерийского салюта, мне показалось неловким оставлять его одного в палате.

— Иван Васильевич! Ты спишь?— окликнул я в проем полуоткрытой двери, но он не реагировал на мои слова.

Его костлявые руки нервно теребили складки пододеяльника, по впалым щекам, иссеченным глубокими морщинами, текли слезы, которых он, по-видимому, не замечал. Мне показалось, что мое появление также не вызвало у него никакой реакции. Я готов был уйти, но в это мгновение услышал хриплый голос:

— Извини, браток, за мою слабость. Расстроился, расчувствовался, и вот сам видишь...— Он замолчал, совсем по-мальчишески шмыгнул носом и виновато улыбнулся:— Всплакнул, жалея не себя, а своих фронтовых товарищей, сложивших головы. Это им салютует сегодня Родина!

Видя, что разговор дается ему трудно, я переменил тему:

— Что-то я не видел сегодня твоей дочери.

— Да нет, была днем, принесла письмо от внучки, на, почитай.— И он подал мне листок бумаги с забавными детскими рисунками и каракулями.

— А за меня, дружище, не беспокойся, я крепкий орешек, и не так просто со мной справиться «костлявой»... Смотришь, поправлюсь, и не надо будет родным приходить каждый день в это заведение...

Он завозился в постели, пытаясь приподнять голову, лицо его озарилось мягкой улыбкой и как-то даже помолодело.

Когда я попрощался с Иваном Васильевичем, обрадованный его бодрым настроением, салют уже закончился, и больные, возбужденно переговариваясь, расходились по палатам.

Утром следующего дня после завтрака многие из ходячих больных вышли на прогулку. На старых парковых деревьях, залитых майским солнцем, проклевывались первые листочки.

Дорожка привела меня в дальний уголок парка, к одинокому строению с небольшой асфальтированной площадкой. В глубине, у закрытых дверей, на садовой скамейке сидели двое — мужчина и женщина. Закрыв лицо руками, женщина плакала. Подойдя поближе, я узнал дочь Ивана Васильевича, Валентину... Она подняла голову и зашлась в безудержном рыдании.

— Папа...— только и сказала она.

В. БАРКОВ, ветеран войны

Москва.

Рыцарь на перепутье

М. КОРЧАГИН

ФЕЛЬЕТОН

Мы скучаем на перекрестках, журавлем стоим в тесном автобусе, томимся в очередях, но при этом всегда шелестим свежими газетами. А со страниц нам улыбаются скромные герои пятилетки.

Правда, есть и другие герои. Чаще всего они смотрят на нас со щитов «Не проходите мимо!». Здесь уже улыбаемся мы, но не до улыбок им самим. Это герои фельетонов. Они, конечно, в меньшинстве, но за троих работают локтями в автобусах, не признают очередей и в самый пик уборки могут наклюкаться до икоты. Сатирики посвящают им свои романы, а карикатуристы стенгазет раскрашивают их носы исключительно в лиловый цвет.

Но не таков тов. Сынбулатов. Тов. Сынбулатова ни разу не видели с лиловым носом, он не умеет работать локтями за троих, а карикатуристы обходят его стороной. И, если, обходя стороной, перейдут они улицу в неположенном месте, то тов. Сынбулатов, принципиально приставив к губам свой милицейский свисток, вложит в него всю силу своих легких. Потому что он не кто иной, как инспектор патрульно-дорожной службы Кумертауского ГАИ. Другими словами, рыцарь дорог и перекрестков.

Рыцарь вполне добросовестно несет свою патрульную службу, помахивая полосатым жезлом. И уж если какой безалаберный шофер отважится нарушить святые дорожные правила, то словно из-под земли вырастет на обочине наш рыцарь, выставив вперед строгий, как восклицательный знак, жезл.

— Нарушаете?! — хмурится при этом рыцарь, грозно шурша штрафными квитанциями.

Но пока приостановим восхваление инспектора и в двух словах поведаем об одном невеселом событии, имевшем место в том же Кумертауском районе Башкирской АССР. В деревне Ульяновка случилась беда. Взбесившийся бык серьезно травмировал пастуха Михаила Урманова. Срочно требовалось хирургическое вмешательство, а ближайшая больница была за двадцать километров. Из них двенадцать по бездорожью. Нужна была надежная машина, и ее с трудом нашли — В. Чернов недавно купил «Ниву». Водитель, будучи механизатором, прекрасно владел любой колесной техникой. Но за руль, увы, садиться не имел права, так как в водительских правах не успел проставить штампик, разрешающий водить легковой автотранспорт.

Хотя о каком штампике могла идти речь в те решающие минуты, когда истекал кровью человек. И вскоре уже натужно рычал на подъеме мотор «Скорой помощи». Здесь автор не оговорился — у машины не было воющей сирены, но в тот день это была именно «Скорая».

Наконец, оставив позади горбатые ухабы, «Скорая» уже была у цели. Тут-то словно из-под земли и вырос на обочине упомянутый выше герой, инспектор Сынбулатов. Взмахнув жезлом, герой остановил бег «Скорой». До больницы оставалось метров сто.

— Нарушаете?! Ваши права! — козырнул герой.

— Очень спешу... Операция нужна! — сбивчиво пояснил водитель, кивая в сторону побледневшего пассажира.

— Ага-а!..— торжествующе агакнул блюститель ПДД и, заметив отсутствие того самого штампика, осуждающе покачал головой.

Шло время. На заднем сиденье постанывал пострадавший.

— Будем составлять протокол! — грозно зашуршал штрафными квитанциями блюститель.— А для порядку подышим-ка в трубочку: может, вы пьяны до икоты...

— Некогда же!..

— По уставу без штампика вы не имели права садиться за руль! — с металлом в голосе отрезал сотрудник ГАИ.

— Но...

— Никаких «но»! — артачился он, поблескивая сержантскими лычками.— Будем протоколировать нарушение. И попрошу не пререкаться с работником ГАИ!..

Чернов уже не пререкался. Не веря ушам своим, он ошарашенно смотрел на собеседника, как на робота, обряженного в милицейскую форму. Увлеченно сопя, робот работал ручкой. Медленно таяли минуты, казавшиеся потерпевшему вечностью.

Когда протокольные процедуры кончились, водитель «Скорой» дыхнул в трубочку. И лишь после этого ему милостиво было разрешено спешить дальше. Довольный собой инспектор с чувством выполненного долга занес карандашом в свой блокнот очередную галку о проделанной работе. Галка сидела на графе и каркала о принципиальности инспектора. «Ай да Сынбулатов-молодец! — каркала галка.— Не дал-таки спуску этому субчику Чернову!»

Все, к счастью, обошлось. Хирург заботливо наложил швы, и, несмотря на большую потерю крови, дело пошло на поправку. А «субчик» Чернов тоже взял карандаш и написал в редакцию, которая, в свою очередь, откомандировала корреспондента уточнить некоторые детали.

— Может, к теще на блины спешил тогда Чернов? — уточняет автор.

— Никак нет, не за блинами! В больницу спешил! — отрапортовал собеседник, поблескивая на солнце лычками.— Но я действовал строго по инструкции! Человек я маленький...

И человек был прав: ведь о человечности в инструкции ни слова. Правда, пытаясь одержать победу в споре, автор вкратце рассказывает ему одну историю, случившуюся в городе Н., в центре которой тоже был маленький человек Б. Т-ов. (Автор не расшифровывает его ФИО: то, к чему оказался причастен Б. Т-ов, и так будет мучить его до последних дней жизни.)

Человечек сидел на проходной фабрики и исправно нажимал кнопку, открывающую железные ворота для въезда автотранспорта.

— Есть бумага на въезд — проезжай, нет бумаги — оформляй как положено! — покрикивал он в окошечко.

Но вот с другим человеком случилась беда: стало отказывать сердце. Тут же без проволочки приехала «Скорая» и, скрипнув тормозами у проходной, ожидающе уткнулась в глухие ворота.

— ...нет бумаги — оформляй как положено! — услышали из окошечка зазубренную фразу опешившие медики.

А ведь требовалось одно нажатие на кнопку. Но над кнопкой сидел маленький человек и не в пример другим чтил устав — чтил без оглядки на жизнь, полную непредвиденностей. На улице стояла непогодь, и налетающий ветер стучал половинками неприступных ворот, словно пытаясь отворить их. Но куда там! Будь то сам ураган, и он бессильно улегся бы у ворот — воротами управлял бескомпромиссный, как робот, службист. Его уставы могли спокойно пылиться на полках: он не переступит их ни при каких «вдруг».

Бумагу оформили «как положено». Но на это ушло полчаса, которого как раз и не хватило реаниматорам. Не стало человека, но служебная принципиальность осталась незапятнанной...

— Я человек маленький и действовал строго по инструкции... — как испорченная пластинка, несколько раз повторил он, дослушав историю.

Автору ничего не оставалось, как развести руками и взять обратный билет. По дороге в редакцию он невольно обратил внимание на обычный трехглазый светофор. Светофор безмятежно возвышался над перекрестком. Мимо него со своими бедами и радостями спешили люди, до которых ему не было дела. Он запрограммированно таращил на них три своих глаза, четко исполняя свои автоматические обязанности.

И автору почему-то вспомнился тот принципиальный инспектор. Может, потому, что бездушный авторегулировщик также не способен на исключения, а в его механизме всегда отсутствует один важный винтик — «чуткость».

ЧЕМПИОНАТ... ПО ОТСТОЮ

Коэффициент Вредного Действия

Стою уже около двадцати минут, но автобуса третьего, нужного мне маршрута все нет, как, к слову, нет и сорок первого. Зато подкатили и ушли три девяносто вторых и столько же девяносто седьмых. Может, у «моего» другой интервал движения? Между прочим, на улице морозец под десять градусов; между прочим, отдельные граждане с детьми; между прочим, есть и пожилые... Но вот наконец и «наш», третий, подъехал. Подхватили сумки, чемоданы и детей — и к его дверям. А те не открываются. Водитель сидит в теплой кабине, снисходительно на нас посматривает (и что, мол, суетятся?), покуривает. Потом, очевидно, насмотревшись, водитель дал газ и был таков.

— Забыл дверь открыть,— догадался кто-то.

— Зарплату-то получать не забывает,— ответил еще более догадливый.

Продолжаем ждать. На тридцать четвертой минуте, затем на пятьдесят второй подъезжали еще автобусы третьего маршрута, их водители проделывали тот же фокус и удалялись в неизвестном направлении. Кое-кто из нас все же сохранил стойкость духа. Потерявших же терпение увозили такси или владельцы частных автомашин, быстро оценившие ситуацию...

Напротив остановки в застекленной будочке с вывеской — «Диспетчер автобусных пассажирских перевозок» сидела девица с книгой. Читала. Подойдя к ее окошку, я изложил ситуацию и спросил:

— Что бы это значило? Почему три автобуса, не открыв дверей, ушли пустыми?

Она посмотрела как бы сквозь меня, красиво хлопнула ресницами и вновь опустила взор в книгу. Тогда я поинтересовался ее фамилией, но добился лишь еще одного ресничного хлопка. Поняв, что знакомство не состоится, отошел к остановке. Вовремя. Как раз подкатил очередной «третий». Шла шестьдесят седьмая минута ожидания. И тут я, не выдержав, забарабанил по обшивке автобуса свободной от чемодана рукой. Водитель обернулся и в ответ постучал себя кулаком по лбу. Его жест я расшифровал так: «Все равно до меня не достучишься». Но, не теряя надежды, я подошел к кабине. С небрежностью единоличного автобусовладельца водитель приоткрыл дверцу, чтобы услышать мой (все тот же) вопрос:

— Что бы все это значило?

— Так надо, дед,— ответил он жизнерадостно,— у нас отстой, понимать надо.— И так же бодро: — Свободен, дед! — царственно хлопнув дверцей, уехал. Но я успел записать номер автобуса АТЛ 53-15 (а фамилию «внучка» мне сообщили в автопарке — Виктор Водолазов). На восемьдесят пятой минуте, проводив еще один отстойный автобус и записав его номер АТЯ 77-42, я все-таки сдался. Победили чемпионы по отстою из третьего автопарка...

Не знаю, какой по счету автобус третьего маршрута принял пассажиров. Но справедливости ради скажу, что другие маршруты тоже выделывали вензеля. При этом на некоторых машинах красовалась надпись по борту: «Образцовый маршрут»...

Добравшись до города на такси, я позвонил директору третьего автопарка Эдуарду Ивановичу Чернявскому и спросил:

— Какой интервал движения у автобуса номер три?

— Семь-восемь минут.

— Я ждал почти полтора часа, но все автобусы шли на отстой. Кстати, что такое отстой?

— Тут что-то не так,— удивился директор.— Отстой — дневное межпиковое время. Водители, работавшие в утренние часы, днем отдыхают, чтобы вечером выехать на маршрут. Тут что-то не так,— снова удивился он.— Я разберусь.

Пока Эдуард Иванович удивляется и разбирается, порассуждаем вот о чем. В последнее время мы много говорим об улучшении обслуживания населения. Мне кажется, что каждый должен принимать посильное участие в этом улучшении, не оставаясь безучастным созерцателем недостатков. Меня, например, поразило равнодушие диспетчера, но еще больше — общая обреченность придуманным кем-то отстоем. Никто даже не пытается протестовать, никто не возмущается, хотя ясно, что тут, по выражению директора автобусного парка, что-то не так.

...Отстой же наблюдается во многих сферах обслуживания. Если у прилавка две продавщицы увлеченно делятся впечатлениями о вчерашнем вечере, не обращая при этом внимания на покупателей, значит, у них отстой. Если в полупустом кафе ждут официанта едва ли не сорок минут, значит, отстой и у него. Если в ателье второй месяц вместо обещанной недели шьют и никак не сошьют брюки, это тоже из-за отстоя... Так давайте говорить о нем во весь голос. Это в наших интересах.

Ю. ЛУШИН,
собкор. «Огонька».

Алма-Ата.

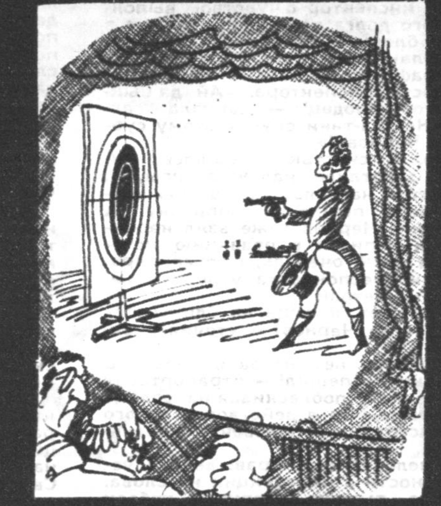
Близнецы. Фото И. ФЛИСА

Рис. В. ВОЕВОДИНА

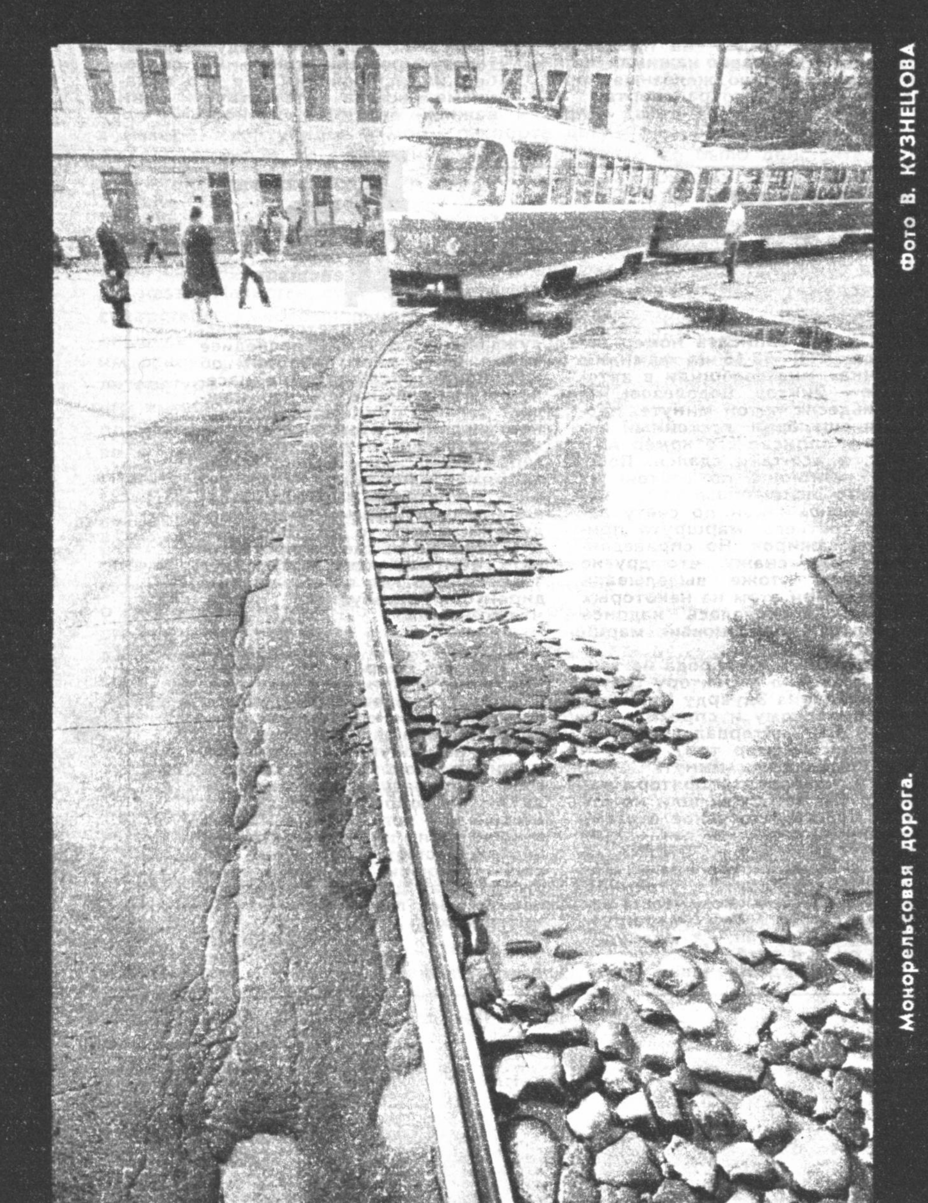

Без слов.

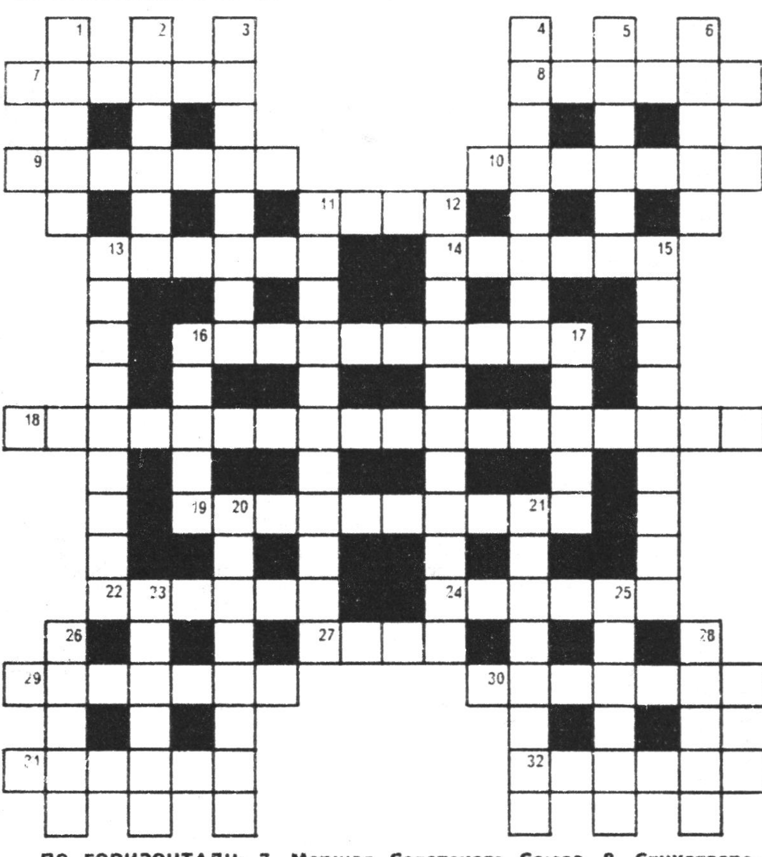
— Сцена дуэли пойдет с одним Онегиным. Ленский сегодня на овощной базе.

Рис. К. РЫБАЛКО

Монорельсовая дорога. Фото В. КУЗНЕЦОВА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Маршал Советского Союза. 8. Стихотворение В. В. Маяковского. 9. Песня на слова М. А. Светлова. 10. Полководец. 11. Тропическое волокнистое растение. 13. Официальное наименование военнослужащего. 14. Маршал авиации, дважды Герой Советского Союза. 16. Местопребывание главы правительства. 18. Готовность к защите страны. 19. Автор слов песни «В лесу прифронтовом». 22. Песня композитора А. Г. Новикова. 24. Острие холодного оружия. 27. Спортивное парусное судно. 29. Пианист, Герой Социалистического Труда. 30. Артиллерийское подразделение. 31. Горы в Чехословакии, Польше, ГДР. 32. Командир в вооруженных силах.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Залив Адриатического моря. 2. Советский татарский писатель. 3. Устный рассказ, жанр фольклора. 4. Повесть В. Ф. Пановой. 5. Всесоюзное спортивное общество. 6. Кормовой злак. 11. Комплекс мер по уничтожению вредных насекомых. 12. Спортсменка. 13. Город в Ростовской области. 15. Учащийся последнего класса, курса. 16. Река в Грузии. 17. Город в Оренбургской области. 20. Историко-революционный памятник, здание в Ленинграде. 21. Хирург, лауреат Ленинской премии. 23. Польский народный танец. 25. Биохимик, академик, Герой Социалистического Труда. 26. Герой повести А. П. Гайдара. 28. Чехословацкий летчик-космонавт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Протасов. 6. «Пуритане». 8. Свет. 9. Шурф. 10. Бабаджанян. 12. Осока. 13. Рулет. 14. Тинторетто. 18. Литература. 22. Диона. 23. Таити. 25. Афиногенов. 26. Поти. 27. Бодо. 28. Терапевт. 29. Балерина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Волейбол. 2. Молибден. 3. «Турандот». 4. Карусель. 5. Пясино. 7. Евфрат. 10. Братислава. 11. Наровчатов. 15. Тире. 16. Енот. 17. «Богатыри». 19. Турищева. 20. Ушинскас. 21. Биология. 22. Диспут. 24. Идиома.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Хореографическую миниатюру «У ручья» исполняет танцевальная группа Государственного русского народного хора имени Пятницкого.

Фото А. ЧЕРНЫХ

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кабинет-музей М. В. Келдыша в Институте прикладной математики АН СССР и его экспонаты. (См. в номере материал «Музей главного теоретика».)

Фото Г. КОПОСОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 24.01.86. Подписано к печати 12.02.86. А 00627. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 515 000 экз. Изд. № 573. Заказ № 2228.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

природа — наш дом

М. САВИН
Фото автора

Едем по устланным снегом просекам Беловежской пущи. Вокруг завьюженные высоченные деревья. Забота главного охотоведа Виктора Антоновича Вакулы — зубры, олени, кабаны и другие обитатели заповедных угодий. Зимой егерям тут приходится каждый день развозить еду по кормушкам.

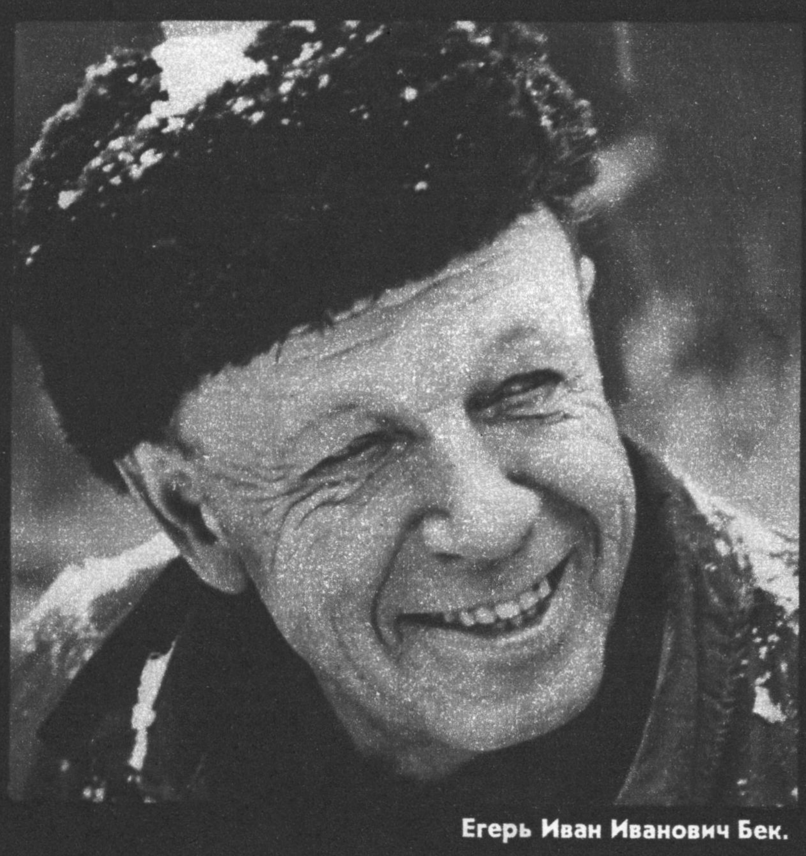
— Подкармливаем зверье только зимой,— говорит Виктор Антонович.— Особенно в такую многоснежную, как нынешняя.

Осторожно, след в след, чтобы не скрипел снег, подходим к полянке, где обедают кабаны. Чуткие звери сразу разбежались. Но они где-то неподалеку и наверняка знают, что егерь привез корм. Не успел Вакула сбросить поклажу, как со всех сторон появились кабаны. И теперь их силой не отогнать.

Приехали в питомник, где обитают полтораста лесных исполинов. С появлением лошади, тащившей нагруженные доверху сани, стадо задвигалось, словно проснулось от спячки. Зубры потянулись к людям.

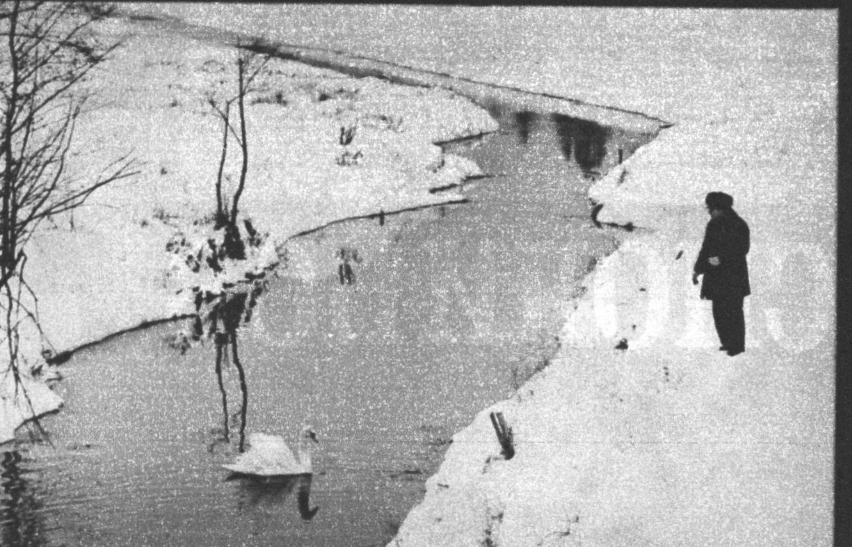

В ожидании завтрака.

У лесных исполинов

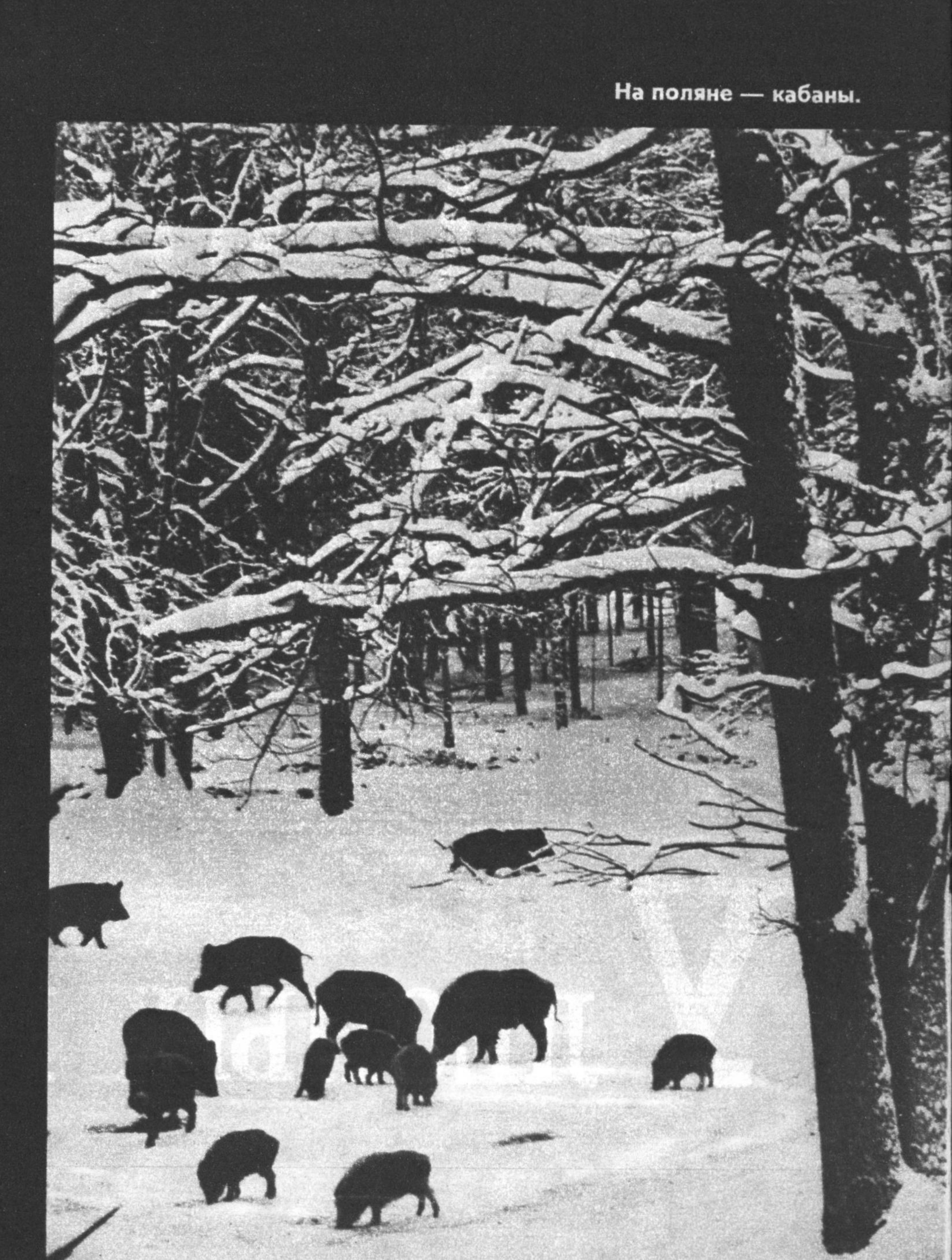

Егерь Иван Иванович Бек.

Здесь зимуют и лебеди.

На поляне — кабаны.

Зубры.

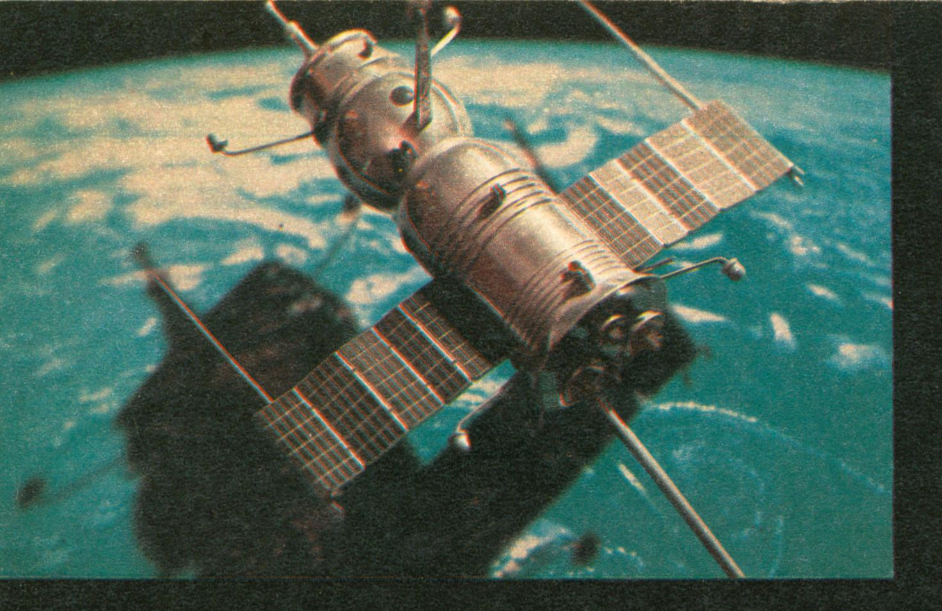
Тарпановидные лошади.

Благородный олень.

У дома егерей.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

